Н
371
Нац

Національный вопросъ передъ судомъ соціалъ демократовъ

переводъ и вступительная статья

д-ра Ф. Пасманика

Цѣна 12 коп.

Книго-издательство „Кадима"
Одесса

НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

предъ судомъ соціалъ-демократовъ

Мнѣнія по національному вопросу.

Пернерсторфера, Вальяна, Бебеля, Каутскаго, Ферри, Г. Плеханова (Бельтова).

Переводъ и вступительная статья

Д-ра Д. ПАСМАНИКА.

Книгоиздательство „КАДИМА“.
ОДЕССА.
1906.

Дозволено Цензурою. Одесса, 24-го января 1906 г.

ОДЕССА.

Тип. Торг. Дома Г. М. Левинсонъ, Ришельевская, 17.

1906.

Національный вопросъ

предъ судомъ соціалъ-демократовъ*).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Die Nationalitaet in ihrer hoechsten Form ist aber ein ideales Gut"

Pernerstorfer.

‹Patriotisme et Internationalisme ne s'opposent donc pas, mais se complètent, au profit d'une civilisation humaine toujours plus parfaite"

Bebel.

„Si les auteurs du Manifeste communiste avaient dit que les ouvriers n'ont pas de nationalité, ce serait... un nonsens ridicule".

Georges Plékhanoff.

Еще недавно—лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ—въ лагерѣ марксистовъ національнизмъ не возбуждалъ никакихъ споровъ. Да и о чемъ было спорить? Все было такъ ясно, астрологически ясно! Національность,—но она не имѣетъ ничего общаго съ пролетарскими интересами, съ классовой точкой зрѣнія, съ идеалами коллективизма. Все было ясно, и вдругъ суматоха! Во всѣ концы міра разсылаются гонцы къ великимъ вождямъ коллективизма, чтобы узнать отъ нихъ ихъ мнѣніе о роли и значеніи національности, отечества и интернаціонализма. Вся пресса въ продолженіи долгихъ мѣсяцевъ дебатируетъ эти вопросы, въ многочисленныхъ собраніяхъ они подвергаются нескончаемымъ дебатамъ: оказывается, что національнизмъ, національность, отечество вовсе не такія простыя явленія, которыя не требуютъ дальнѣйшаго разъясненія, и не настолько обветшалы, чтобы просто сдать ихъ въ архивъ.

И если мы спросимъ себя, чѣмъ можно объяснить всю эту внезапную перемѣну въ отношеніяхъ марксизма къ національности, то

*) Настоящая книжка представляетъ собою переводъ (въ извлеченіи) опубликованныхъ въ одномъ французскомъ журналѣ результатовъ опыты, произведенной по вопросу о національнизмѣ и интернаціолизмѣ. Переводчикъ—д-ръ Д. Пасманикъ—предпослалъ самому тексту свою вступительную статью. Издатели.

мы должны сейчасъ же отвѣтить, что въ этомъ виноватъ не марксизмъ, не теоріи и не историческій матеріализмъ Маркса и Энгельса, а жизнь, обыкновенная жизнь съ ея безсознательнымъ творчествомъ, которое создаетъ настоящее изъ элементовъ прошлаго и рождаетъ будущее путемъ мучительнаго процесса гармоническаго объединенія прошлаго и настоящаго. Это безсознательное творчество болѣе или менѣе быстро превращается въ сознательную волю и цѣлесообразное дѣйствіе людей—не только отдѣльныхъ людей—героевъ, а людей вообще, массы, класса или народа.

Жизнь сильнѣе теорій.

I.

«Коммунистамъ ставили въ упрекъ, что они собираются уничтожить отечество, національность.

Рабочіе не имѣютъ отечества. У нихъ нельзя отнять того, чего у нихъ нѣтъ. Пролетаріатъ, который долженъ сначала завоевать политическое господство, подняться на высоту національнаго класса, конституировать, какъ націю, себя самого, пока еще національенъ, хотя отнюдь не въ буржуазномъ смыслѣ. «*Уже съ развитіемъ буржуазіи, съ свободой торговли*, міровымъ рынкомъ, однообразіемъ формъ промышленнаго производства и соотвѣтствующихъ ему условій существованія *все болѣе и болѣе исчезаютъ національная обособленность и антагонизмъ между народами*. Господство пролетаріата будетъ еще болѣе способствовать ихъ исчезновенію» *). (курсивъ нашъ). Вотъ основное положеніе, догматическій принципъ марксизма по отношенію къ роли отечества и національности.

Прежде всего бросается въ глаза полное смѣшеніе «отечества» и національности. На первый взглядъ кажется, что Марксъ и Энгельсъ имѣютъ въ виду лишь тѣ государства-націи, которыя составляютъ нѣчто цѣльное, т. е. гдѣ нація совпадаетъ съ отечествомъ, какъ Франція, Германія и Англія (безъ Ирландіи). Какъ мы увидимъ послѣ, это смѣшеніе этихъ двухъ понятій, соотвѣтствующихъ двумъ совершенно различнымъ явленіямъ, господствуетъ еще и теперь въ умахъ многихъ марксистовъ. Но одно несомнѣнно ясно: творцы марксизма учитывали съ абсолютной увѣренностью полное исчезновеніе не только «антагонизма между народами», но и «національной обособленности». И если г. Плехановъ думаетъ, что «если бы авторы коммунистическаго манифеста сказали, что рабочіе не принадлежатъ ни къ какимъ народностямъ, то это было бы... просто смѣшною нелѣпостью», то это вѣрно лишь постольку, поскольку мы имѣемъ въ виду современность; что-же касается болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, то, какъ мы видѣли выше, Марксъ и Энгельсъ предсказывали исчезновеніе національной обособленности, т. е. сліяніе, ассимиляцію народностей. Они объяснили это исчезновеніе—чисто объек-

*) К. Марксъ и Фр. Энгельсъ. Философія исторіи, стр. 21. С.-Петербургъ, 1905.

тивными причинами, а именно развитіемъ буржуазіи, свободой торговли, міровымъ рынкомъ. Если бы это было единственное выраженіе отношенія Маркса къ національности, то намъ ничего не осталось бы дѣлать, какъ разсмотрѣть, поскольку эти факторы дѣйствительно приводятъ къ уничтоженію національностей, насколько исторія второй половины XIX столѣтія подтвердила пророчество Маркса. Но намъ не пришлось-бы разсматривать этическую сторону вопроса, т. е., насколько національность вообще имѣетъ право на существованіе.

Но на самомъ дѣлѣ Марксъ вовсе не ограничивался «объективностью», а высказывалъ не разъ свое субъективное отношеніе къ національности. Самъ Каутскій указываетъ на «враждебное отношеніе Маркса и Энгельса къ національнымъ стремленіямъ славянъ Австріи (за исключеніемъ поляковъ) и Турціи, пока они предполагали, что ими воспользуется самый страшный врагъ освобожденія пролетаріата—абсолютизмъ» (см. дальше отвѣтъ Каутскаго). Здѣсь мы уже наталкиваемся на чисто субъективное отношеніе къ вопросу о національности, при чемъ она разсматривается не сама по себѣ, не какъ самодавлѣющая цѣнность, а какъ функція чего-то другого, освобожденія пролетаріата. Національность же признается естественно-необходимымъ факторомъ исторіи, который всегда по своей тенденціи долженъ быть прогрессивенъ, хотя-бы онъ временно служилъ на пользу реакціи, а разсматривается лишь какъ средство, которое въ одномъ случаѣ хорошо, а въ другомъ плохо.

Маленькій примѣръ это разъяснитъ.

Предоставленіе избирательнаго права женщинамъ послужило-бы въ нѣкоторыхъ странахъ (въ Италіи, Франціи, Бельгіи, гдѣ женщины находятся подъ сильнымъ вліяніемъ католическаго духовенства) въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ интересамъ реакціонно-католическихъ партій. Но изъ этого не слѣдуетъ, что прогрессивная партія должна быть противъ политической эмансипаціи женщинъ, которая, по своему существу, должна современемъ послужить на пользу прогресса.

Но Марксъ, не признавая за національностью этого объективно-прогрессивнаго значенія, превращалъ ее исключительно въ средство. Насколько и здѣсь его пророчество сбылось, мы увидимъ послѣ.

Но болѣе этого. Марксъ въ сущности относится къ народностямъ приблизительно какъ недавно умершій англійскій консерваторъ Салисбюри: большія націи должны еще болѣе увеличиваться, маленькія націи—еще болѣе уменьшаться, или, по-просту, исчезнуть. Кто хочетъ познакомиться съ истинными взглядами Маркса на національность, тотъ долженъ внимательно изучить его знаменитую статью: «Демократическій панславизмъ» *), написанную въ 1849 году, т. е.

*) Gesammelte Schriften von K. Marx und Fr. Engels. Stuttgart, 1902 ter Band. Der dêmokratische Panslavismus.

послѣ появленія его Манифеста. Высказанные въ этой статьѣ взгляды могутъ послужить комментаріемъ и дополненіемъ къ вышеприведенному нами основному положенію марксизма на счетъ національности.

Марксъ въ этой статьѣ отвѣчаетъ на извѣстное воззваніе Бакунина къ славянскимъ народностямъ, лишеннымъ своей національной независимости, ссылавшагося между прочимъ на справедливость, гуманность и т. д. Марксъ прежде всего заявляетъ: «Справедливость», «Гуманность», «Свобода» и т. д. могутъ тысячу разъ требовать то или иное; если однако эта вещь невозможна, то она не создается и несмотря на все остается «пустой фантазіей» *). Слѣдовательно, можетъ быть, требованіе чеховъ, кроатовъ, словаковъ и т. д. національной независимости и справедливо и гуманно, но разъ это требованіе исполнить невозможно, то ничего нельзя подѣлать. Но и не въ этомъ дѣло! Марксъ самъ даетъ поучительный примѣръ: Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Мексика—двѣ республики: въ обѣихъ народъ самъ управляетъ своими дѣлами. Но первая объявила войну второй и забрала у нея Техасъ и Калифорнію. «Поставитъ ли Бакунинъ американцамъ—спрашиваетъ Марксъ—въ упрекъ «завоевательную войну», которая, хотя и наноситъ сильный ударъ его теоріи, основанной на «справедливости и гуманности», но которая была ведена исключительно въ интересахъ цивилизаціи? Развѣ это несчастье, что вырвали у мексиканцевъ чудную Калифорнію, съ которой они не знали что предпринять?» Наивный читатель, для котораго марксизмъ еще не сталъ библіей, можетъ въ своей безграничной наивности замѣтить, что такимъ образомъ можно оправдать всѣ войны, и уже навѣрное всѣ колоніальныя войны. Вѣдь и Чемберленъ такъ оправдывалъ свою войну противъ буровъ—«въ интересахъ цивилизаціи?» И Германія заявляла устами Бисмарка, что она отрываетъ отъ Франціи Эльзасъ и Лотарингію „въ интересахъ цивилизаціи“.

Понятно поэтому, что Марксъ «въ интересахъ цивилизаціи» былъ противъ національной независимости разныхъ славянскихъ народностей. Къ этому еще присоединяется пророческій даръ Маркса: «Мы повторяемъ—заявляетъ онъ: кромѣ поляковъ, русскихъ и въ крайнемъ случаѣ славянъ Турціи никакая славянская народность не имѣетъ будущности просто на томъ основаніи, что всѣмъ остальнымъ славянамъ недостаетъ основныхъ историческихъ, географическихъ, политическихъ и индустріальныхъ условій самостоятельности и жизнеспособности» **). Марксъ насъ увѣряетъ, что «чехи,—къ которымъ мы причисляемъ и моравовъ и словаковъ, хотя они различаются по языку и исторіи,—никогда не имѣли исторіи». Наивный читатель все болѣе и болѣе начинаетъ изумляться:—какъ же это случилось,

*) Тамъ же, стр. 249.
**) Стр. 251.

что всего тридцатью годами позже не только чехи, но даже словены, кроаты начали играть такую большую роль въ жизни Австріи, начали создавать культуру, творенія которой извѣстны всему цивилизованному міру? Несмотря на всѣ пророчества Маркса, всѣ эти славяне или уже имѣютъ, или скоро будутъ имѣть полную національную независимость. Замѣтимъ еще, что именно славяне вносятъ болѣе или менѣе демократическо-прогрессивный духъ въ жизнь Австріи. Не наше дѣло, конечно, защищать право славянскихъ народностей на національную независимость, да онѣ и не нуждаются въ нашей защитѣ: теперь уже наступило время, когда «австрійскіе нѣмцы боятся чеховъ, когда венгерская «демократія», которую Марксъ такъ горячо защищалъ, боится всеобщаго избирательнаго права, благодаря кототому венгерцы потеряли бы гегемонію въ странѣ. Мы приводимъ все это только для того, чтобы показать вообще отношеніе Маркса и марксизма къ національностямъ, особенно къ мелкимъ народностямъ, которое, дѣйствительно, не имѣетъ своимъ источникомъ ни «справедливости», ни «гуманности».

«Болѣе этого—продолжаетъ Марксъ: если-бы австрійскіе славяне образовали компактную массу, какъ поляки, венгерцы, итальянцы, если бы они могли составить вмѣстѣ государство изъ 12—20 милліоновъ жителей, тогда ихъ претензіи имѣли бы все-таки серьезное значеніе». Но этого нѣтъ. Эти славяне, видите ли, раздѣлены на двѣ части: на сѣверѣ $5^1/_2$ милліоновъ славянъ и на югѣ столько же, а между ними «компактная масса нѣмцевъ и венгерцевъ въ 10—11 милліоновъ». Марксъ не только не допускалъ возможности какой-то національно-культурной автономіи, но онъ даже не задумывался надъ ней. Но даже и территоріальная автономія имъ была признаваема только для народовъ высшаго типа и то лишь начиная съ довольно крупной цифры населенія. Поймите же, говоритъ онъ: «Дѣйствительно, крайне пріятно было бы положеніе нѣмцевъ и венгерцевъ, если-бы австрійскіе славяне добились своего *такъ называемаго* «права»! (К. Н.). Между Силезіей и Австріей независимое чешско-моравское государство втиснулось бы клиномъ, а Австрія и Штирія были бы отрѣзаны, благодаря «южно-славянской республикѣ» отъ ихъ естественнаго выхода (debouché), т. е. отъ Адріатическаго и Средиземнаго моря, а восточная Германія похожа на хлѣбъ, разгрызанный хлѣбъ! И все это въ благодарность за то, что нѣмцы дали себѣ трудъ цивилизовать упорныхъ чеховъ и словеновъ и ввести у нихъ торговлю, индустрію, доходное земледѣліе и образованіе!*).

Опять таки не намъ указывать на то, какъ нѣмцы цивилизовали славянъ, не намъ указывать, что чехъ Гусъ жилъ, дѣйствовалъ и страдалъ за сто лѣтъ до Лютера и т. д. Но мы желаемъ лишь указать на то, что два года послѣ того, какъ онъ опублико-

*) Тамъ же, стр. 253—254.

валъ свой знаменитый Манифестъ, Марксъ понималъ національности не хуже всякаго другого «реальнаго политика», что онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія самаго яраго нѣмецкаго націоналиста въ вопросѣ о правѣ австрійскихъ славянъ на «національное самоуправленіе».

Пусть читатель прослѣдитъ всѣ его дальнѣйшія разсужденія и онъ убѣдится, что Марксъ разсуждаетъ не хуже любого нѣмецкаго шовиниста. «Наконецъ.—восклицаетъ онъ,—гдѣ «преступленіе», гдѣ «политика достойная проклятья» въ томъ, что нѣмцы и венгерцы, въ эпоху когда въ Европѣ большія монархіи были «исторической необходимостью», сколотили (zusammenschlugen) всѣ эти маленькія, убогія, безпомощныя національки (Nationchen) въ одно большое государство и такимъ образомъ сдѣлали ихъ способными участвовать въ историческомъ развитіи, которому онѣ были-бы совсѣмъ чужды, если бы онѣ были представлены самимъ себѣ! Конечно, подобныя вещи не дѣлаются, безъ того, чтобы *не растоптать насильственно нѣкоторые нѣжные національные цвѣтки...* А теперь политическая централизація сдѣлалась еще болѣе необходимой вслѣдствіе огромнаго процесса индустріи, торговли, путей сообщенія...» *Политическая централизація—вотъ основной догматъ марксизма*: мелкія народности должны быть ассимилированы, и онѣ еще должны благодарить за это, ибо это все дѣлается «въ интересахъ цивилизаціи».

Этотъ догматъ нисколько не измѣняется отъ того, что Марксъ обвиняетъ славянъ въ ихъ анти-революціонномъ духѣ, потому что и въ этомъ случаѣ право на національное самоопредѣленіе не разсматривается какъ имманентное, ничѣмъ не ограниченное, естественное право каждой націи, а лишь награда за заслуги. И то еще не совсѣмъ! Марксъ требуетъ отъ славянъ, чтобы они поддерживали революцію, даже если они при этомъ ничего не выиграютъ въ національномъ отношеніи. Какъ извѣстно, чехи въ 1848 году тоже дѣлали революцію, но они только вызываютъ сожалѣніе Маркса. «Но кто болѣе всего достоинъ сожалѣнія, это—храбрые чехи. Побѣдятъ ли они или же будутъ побѣждены, они должны погибнуть» *). Между прочимъ, въ этой статьѣ Марксъ забывается и указываетъ на то, что нѣмцы въ продолженіи 400 лѣтъ угнетали чеховъ. Или это относится къ методамъ цивилизаціи?

Къ сожалѣнію, чехи нисколько не дорожили пророческой славой Маркса и нисколько не думали исчезнуть. Проклятые антимарксисты! А какъ самоувѣренно пророчествовалъ Марксъ! «При первомъ побѣдоносномъ возстаніи французскаго пролетаріата... австрійскіе нѣмцы и венгерцы сдѣлаются свободными и отплатятъ кровавой местью славянскимъ варварамъ. Всеобщая война, которая тогда случится, разобьетъ въ щепки этотъ славянскій союзъ и уничтожитъ всѣ эти маленькія бычачьи (stierköpfigen) націи вплоть до ихъ имени.

*) Тамъ же, Nationale Revolutionen, стр. 109.

Ближайшая всемірная война заставитъ исчезнуть не только реакціонные классы и династіи, но она смететъ съ лица земли цѣлые реакціонные народы» *). Не говоримъ уже о томъ, что всѣ эти пророчества не сбылись, но мы хотѣли бы указать на дѣйствительно геніальное открытіе Маркса —*реакціонные народы*! А теперь оказывается, что у этихъ реакціонныхъ народовъ имѣется марксистскій пролетаріатъ!

А дѣло очень просто и очень ясно: марксизмъ также централистиченъ, какъ и многія буржуазныя политическія партіи; марксизмъ въ теоріи и на практикѣ такой же врагъ національной независимости мелкихъ народностей, какъ Александръ Великій, Цезарь и Наполеонъ, на которыхъ ссылается Марксъ. Марксизмъ такой же врагъ «нѣжныхъ національныхъ цвѣтковъ», какъ и любое абсолютистское правительство.

И всѣ тѣ, которые считаютъ марксизмъ послѣднимъ словомъ науки и человѣческой мудрости, всѣ тѣ, для которыхъ марксизмъ такъ же неприкосновененъ, какъ для набожнаго еврея библія, не могутъ защищать принципа національнаго самоопредѣленія безъ того, чтобы не нанести одновременно смертельный ударъ всей исторической философіи марксизма.

Какъ мы увидимъ дальше, вѣрные ученики Маркса и по сю пору поддерживаютъ его принципы антинаціональной политики. А если мы встрѣчаемъ марксистовъ, которые въ то же время защищаютъ національный принципъ, то они дѣлаютъ это не благодаря, а вопреки ученію Маркса. Жизнь не знаетъ «реакціонныхъ народовъ», а наоборотъ, заставляетъ всѣ народы итти по пути прогресса, при чемъ первой задачей для всякаго народа, участвующаго въ сознательномъ историческомъ процессѣ, какъ бы онъ ни былъ малочисленъ, является именно достиженіе своей національной независимости. Теперь и болгаре и сербы, и чехи и словены, и кроаты и словаки принимаютъ участіе въ всемірномъ пролетарскомъ движеніи, но это стало возможнымъ лишь послѣ того, какъ они фактически или потенціально разрѣшили свою національную проблемму. А это разрѣшеніе лежитъ не въ области ассимиляціи и національнаго самоубійства, а въ области независимости и національнаго развитія. *Не теорія*, а жизнь, какъ она есть, должна имѣть для насъ рѣшающее значеніе. Жизнь доказала, что Марксъ глубоко ошибся въ опредѣленіи роли и значенія національности. Онъ не понялъ, что національное самоопредѣленіе есть первое и абсолютно необходимое условіе для всякаго прогресса, что безъ него прогрессъ вообще невозможенъ. Это начинаютъ понимать нѣкоторые изъ его непослѣдовательныхъ учениковъ. Приводимыя нами ниже мнѣнія служатъ тому доказательствомъ.

---

*) Тамъ же, Ungarn, стр. 245.

II.

Но дѣло вовсе не въ ошибкѣ Маркса: марксизмъ, какъ цѣльное міровоззрѣніе *должно* фатально приходить въ вопросѣ о національности къ тѣмъ же заключеніямъ, къ которымъ пришелъ Марксъ и къ которымъ приходятъ теперь его вѣрные ученики. Марксизмъ, признающій формы хозяйства, т. е. производства и обмѣна, однимъ словомъ экономику *основнымъ, предопредѣляющимъ* факторомъ исторіи, долженъ вѣрить въ то, что «развитіе буржуазіи, свобода торговли, міровой рынокъ, однообразіе формъ промышленнаго производства» могутъ и должны привести къ исчезновенію «національной обособленности». Развѣ можно отрицать, что фактически во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ экономическое развитіе пробѣгаетъ тождественныя стадіи, что оно вездѣ униформируется, становится все болѣе и болѣе однообразнымъ? А разъ это такъ, то и создаваемыя экономикой «соотвѣтствующія условія существованія», къ которымъ надо причислить все, рѣшительно все — и политическія, и юридическія, и духовныя условія—то-же *должны* дѣлаться все болѣе и болѣе однообразными.

Всюду капиталистическая форма производства и обмѣна замѣняетъ старыя формы натуральнаго и кустарнаго хозяйства. Также неизбѣжно вездѣ и повсюду появленіе новой формы экономической организаціи всѣхъ цивилизованныхъ обществъ, которая также проникаетъ всюду, какъ проникъ повсюду капитализмъ. Если и имѣются различія между различными странами въ ихъ экономическомъ развитіи, то лишь количественныя, а не качественныя, которыя, разумѣется, малу-по малу изгладятся. Признавать въ одно и то же время, что экономика, которая вездѣ и повсюду принимаетъ все болѣе и болѣе однообразныя формы, предопредѣляетъ всѣ другія факторы—значитъ, и культурные— общественной жизни и съ другой стороны вѣрить въ разнообразіе національныхъ формъ—непослѣдовательно и не логично. Вотъ почему послѣдовательные ученики Маркса, какъ Каутскій, Лафаргъ, Плехановъ, Эрве и др. вполнѣ вѣрно отстаиваютъ положеніе, что отечество и національность лишь историческія категоріи, подвергающіяся измѣненіямъ, обусловленнымъ формами производства. Монизмъ экономики долженъ создать и монизмъ всей культуры. А единство въ культурѣ невозможно безъ уничтоженія всѣхъ формъ національной обособленности, безъ уничтоженія національныхъ различій. И вотъ почему самый преданный ученикъ и другъ Маркса, Либкнехтъ, могъ и долженъ былъ опредѣлить свое отношеніе къ націонализму слѣдующимъ образомъ: «Для насъ соціалистовъ, нѣтъ вопроса о національности: мы знаемъ лишь двѣ націи:націю капиталистовъ, буржуазіи, владѣющаго класса съ одной стороны, а съ другой стороны—націю пролетаріевъ, массы обиженныхъ судьбой (déchérités), работающаго класса. Къ этой второй націи мы принадлежимъ всѣ, мы коллективисты Германіи и Франціи. Мы составляемъ одну націю; рабочіе всѣхъ странъ образуютъ одну націю,

противоположную другой, которая также одна и та же во всѣхъ странахъ». (Изъ рѣчи Либкнехта, произнесенной имъ 1892 г. въ Марсели на конгрессѣ французскихъ рабочихъ). Это самая послѣдовательная точка зрѣнія въ вопросѣ о національности со стороны вѣрныхъ и логичныхъ защитниковъ марксизма. Лишь теперь мы понимаемъ грубо-циничное отношеніе Маркса къ «нѣжнымъ національнымъ цвѣткамъ». Они не идутъ въ счетъ, потому что «однообразіе формъ производства» должно ихъ убить... по мнѣнію Маркса. И когда мы видимъ, что въ 1905 году не только Пернерсторферъ и Ферри, но и Бебель заявляетъ, что «всякій народъ, который имѣетъ свой собственный языкъ, свои собственные нравы, свою собственную цивилизацію и свою исторію, имѣетъ право развиваться, какъ органическое цѣлое», то мы должны сказать, что подобное мнѣніе, противорѣчитъ самымъ кореннымъ образомъ основнымъ принципамъ марксизма. И если такой марксистъ, какъ Бебель долженъ былъ измѣнить завѣтамъ своего великаго учителя, то онъ это сдѣлалъ подъ давленіемъ реальныхъ фактовъ жизни.

А эти факты доказываютъ совсѣмъ не то, что утверждалъ Марксъ.

Эти факты доказываютъ, что никакое развитіе буржуазіи, никакое однообразіе формъ производства не способно уничтожить богатое разнообразіе чисто культурныхъ факторовъ общественной жизни, *предшествующихъ* или сопутствующихъ развитію экономики. Никакое содержаніе невозможно безъ формы. И какъ все наше знаніе о внѣшнемъ и внутреннемъ мірѣ невозможно безъ предварительной наличности *формъ* нашего познаванія, а именно категорій пространства и времени, такъ и всякая *общественная* жизнь предполагаетъ предварительную наличность территоріи — пространства и языка — времени. Бебель начинаетъ прямо съ «собственнаго языка», потому что только благодаря языку культура можетъ развиваться во времени, отъ поколѣнія къ поколѣнію, могутъ создаваться традиціонныя узы, объединяющія между собой сотни поколѣній. Но развѣ «однообразіе формъ производства» ведетъ къ однообразію языка, этого самаго могущественнаго орудія всякой національной культуры? Развѣ объединеніе пролетаріевъ всѣхъ странъ можетъ когда либо уничтожить глубокія различія между нѣжно-любовными балладами нормандскихъ и провансальскихъ трубадуровъ съ одной стороны и между мистически-восторженными пѣснями германскихъ миннезенгеровъ съ другой, между Шиллеромъ и Гете, Зудерманомъ и Гауптманомъ, съ одной стороны и между Мольеромъ и Расиномъ, Зола и Ростаномъ съ другой стороны? Развѣ общность капиталистическаго развитія Англіи, Франціи и Германіи въ чемъ—либо измѣнило глубокія различія между психикой англичанина, француза и нѣмца? Развѣ будущее господство пролетаріата уничтожитъ неизгладимые— ибо вѣками накопленные — слѣды различныхъ историческо-куль-

культуры. Пока первое существуетъ, второе не исчезнетъ. А доказывать, что однообразіе формъ производства приведетъ къ однообразію языка, къ волапюку, не рѣшится даже самый рьяный марксистъ. И хотя человѣчество все болѣе и болѣе освобождается отъ вліянія внѣшней среды, но все же она творила въ продолженіи многихъ вѣковъ: разнообразіе территорій, на которыхъ развивались вѣками различныя группы человѣчества, создало разнообразіе расъ, такъ или иначе вліявшихъ впослѣдствіи на развитіе различныхъ національностей.

Наоборотъ: чѣмъ болѣе трудящіеся классы будутъ въ состояніи принимать активное участіе въ культурномъ творчествѣ, чѣмъ болѣе они получатъ возможности пользоваться и наслаждаться всѣми произведеніями науки, литературы и искусства чѣмъ болѣе сознательной жизнью начнутъ они жить, тѣмъ болѣе они потеряютъ стадное чувство, тѣмъ ярче разовьются индивидуальности личностей и націй. Низшія формы человѣческой жизни вездѣ однѣ и тѣ же, ибо онѣ просты, элементарны. Но высшія формы проявленія человѣческой активности отличаются своей крайней сложностью и поэтому онѣ такъ богаты и разнообразны. И вотъ почему съ улучшеніемъ общихъ условій жизни въ XIX столѣтіи не только компактные народы «въ 12-20 милліоновъ», но и совершенно маленькія національности начали творить сознательно свою оригинальную культуру. Марксъ, видѣвшій передъ собой только экономику, долженъ былъ поэтому такъ глубоко ошибиться: мелкія народности нисколько не думаютъ исчезнуть, а наоборотъ, все болѣе и болѣе проявляютъ свою оригинальность въ культурномъ творчествѣ. Замѣтимъ еще, что даже экономическій факторъ не дѣйствуетъ по прямой линіи къ уничтоженію національной обособленности. Употребляя марксистскую терминологію, мы можемъ сказать, что и экономика производитъ не только положительные результаты, но и ихъ отрицаніе. Развитіе буржуазіи вовсе не привело, какъ Марксъ думалъ, къ свободѣ торговли, какъ дѣйствительно можно было предполагать въ концѣ первой половины XIX столѣтія. Борьба за рынокъ между капиталистами различныхъ странъ привела къ таможенной системѣ, къ протекціональнымъ пошлинамъ, окружающимъ каждую страну высокой стѣной. Кто могъ-бы повѣрить пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, что даже фритедерская Англія перейдетъ въ началѣ XX столѣтія къ протекціонной системѣ? Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе борьба за всемірный рынокъ усилится, причемъ прибѣгаютъ не только къ пошлинамъ, но и къ колоніальнымъ войнамъ. Споръ Германіи и Франціи изъ-за вліянія въ Марокко въ высшей степени поучителенъ, какъ, несомнѣно, знаменателенъ англо-японскій союзъ, единственная цѣль котораго гарантировать за отдѣльными державами извѣстныя части всемірнаго рынка.

Экономика не только прямо ведетъ къ дѣленію, но и косвенно. «Развитіе буржуазіи» ведетъ къ демократизаціи всей общественной

жизни, мысли и культуры. Народная масса увеличиваетъ постепенно не только свои матеріальныя потребности, но и свои умственные и вообще духовные запросы. Когда-то сочиненія Гете и Шиллера читались только высшими классами Германіи, а теперь эти типичнѣйшіе представители нѣмецкой культуры не только почитаются, но и читаются милліоннами нѣмцевъ, получившихъ даже только элементарное образованіе. То же самое мы наблюдаемъ во всѣхъ другихъ странахъ, т. е. вездѣ все большія и большія массы пріобщаются къ національной культурѣ, т. е. становятся ея сознательными носителями. Благодаря этому національныя различія не уменьшаются, а увеличиваются, хотя это не значитъ, что національная вражда усиливается. Впрочемъ, это есть лишь частный случай общаго закона развитія: увеличивающаяся дифференціація сопровождается усиливающейся интеграціей. Поэтому вовсе нельзя противопоставлять интернаціонализмъ и націонализмъ, соотвѣтствующіе двумъ основнымъ процессамъ въ развитіи человѣчества: дифференціаціи, т. е. развитію индивидуальностей и объединенію всѣхъ этихъ индивидуальностей для достиженія общихъ цѣлей. Марксизмъ обратилъ вниманіе только на одну сторону человѣческой эволюціи, на интеграцію. Мы можемъ только поддержать вполнѣ вѣрное положеніе Зомбарта, доказываемое всей исторіей цивилизованнаго человѣчества. «Когда Карлъ Марксъ начинаетъ свой манифестъ извѣстной фразой: «Исторія всякаго существовавшаго донынѣ общества есть не что иное, какъ исторія классовой борьбы» — говоритъ Зомбартъ, — то онъ, какъ чутье мое мнѣ подсказываетъ, высказалъ одну изъ величайшихъ истинъ, наполняющихъ наше столѣтіе. Но онъ сказалъ не всю правду. Невѣрно, что вся исторія человѣчества сводится *только* къ классовой борьбѣ. Если мы вообще желаемъ включить «всемірную исторію» въ формулу, то мы должны будемъ, кажется мнѣ, сказать, что вся исторія общества вертится вокругъ *двухъ родовъ противорѣчій*, какъ вокругъ двухъ полюсовъ: я ихъ называю *соціальными и національными противорѣчіями.**)

Марксизмъ отмѣтилъ только соціальныя противорѣчія, но упустилъ совершенно изъ виду національныя, и поэтому даже не задумывался надъ анализомъ ихъ взаимныхъ отношеній. А такъ какъ соціальныя противорѣчія должны по существу своему привести современемъ къ соціальной гармоніи, то марксизмъ, не долго думая, перенесъ свое заключеніе о будущемъ результатѣ развитія соціальныхъ противорѣчій и въ область національнаго развитія и пришелъ къ тому результату, что «національная обособленность» исчезнетъ.

Но коллективизмъ не значитъ еще марксизмъ. Если марксизмъ, основанный на матеріалистическомъ міровоззрѣніи, на сведеніи всей цивилизаціи въ послѣднемъ счетѣ къ формамъ прозводства и обмѣна,

*) W. Sombart: Socialismus und sociale Bewegung im XIX Iahrhundert, S. I.

враждебныхъ принципу свободнаго національнаго развитія—даже въ примѣненіи къ маленькимъ народностямъ,—то изъ этого не слѣдуетъ, что коллективизмъ вообще тоже враждебенъ національному принципу. Какъ только коллективизмъ становился на болѣе широкую точку зрѣнія систематическаго міровоззрѣнія, охватывающаго матеріальные и духовные факторы въ исторіи человѣчества, онъ долженъ былъ фатально признать за національностью ея прогрессивное значеніе. Вотъ почему старый Интернаціоналъ въ первые годы своего существованія (1864-1868) защищалъ горячо принципъ національной свободы. Это было въ ту эпоху, когда вліяніе Маркса въ Интернаціоналѣ было ничтожно, когда представители романскихъ національностей имѣли перевѣсъ въ немъ, или лучше сказать, когда федералисты были въ большинствѣ, а централисты — въ меньшинствѣ. Тогда оффиціальный органъ Интернаціонала писалъ: «Международное рабочее движеніе имѣетъ всюду своей предпосылкой свободное и цѣлостное національное развитіе». Въ другомъ мѣстѣ: «Даже за малѣйшей національностью должно быть во всякое время обезпечено свободное и самостоятельное существованіе».*) Какъ далеки эти разсужденія отъ всего того, что Марксъ высказывалъ по національному вопросу славянъ! Когда Пернерсторферъ восклицаетъ теперь, что наступила уже давно пора вырвать съ корнемъ идею стараго интернаціонализма, то онъ долженъ былъ ясно сказать, что онъ имѣетъ въ виду марксистскій интернаціонализмъ, потому что Интернаціоналъ, какъ мы только что видѣли, настаивалъ на правѣ свободнаго самоопредѣленія «даже малѣйшей національности».

Одно во всякомъ случаѣ внѣ всякаго сомнѣнія: марксизмъ никоимъ образомъ не можетъ признать за всѣми націями этого права; марксизмъ долженъ искать свой идеалъ въ исчезновеніи національныхъ индивидуальностей.

III.

Читатель въ этомъ убѣдится, когда онъ внимательно анализируетъ приводимыя нами ниже мнѣнія различныхъ современныхъ представителей марксизма, при чемъ мы должны замѣтить, что мы ограничились только самыми типичными и самыми яркими мнѣніями.

Начнемъ съ разсмотрѣнія мнѣній Каутскаго и Плеханова.

Здѣсь бросается прежде всего въ глаза указанная уже нами ошибка, состоящая въ томъ, что смѣшивается отечество и національность. Какъ будто въ одномъ и томъ же отечествѣ не можетъ существовать обособленности между различными національностями. Только благодаря этой ошибкѣ Каутскій переноситъ свое опредѣленіе патріотизма, какъ явленія, созданнаго не природою, а обществомъ, и на національность. Благодаря этой ошибкѣ онъ и не ста-

*) Der Vorbohe, 1868. Zur Erklärung unserer Aufgabe

рается выяснить значеніе біологическаго фактора въ образованіи національности. Если бы онъ это сдѣлалъ, онъ понялъ бы, что въ образованіи національности принимаютъ участіе общество и природа, что національность есть біо-соціологическій феноменъ, который не можетъ быть сведенъ въ послѣднемъ счетѣ къ соціальнымъ условіямъ. Ту же ошибку дѣлаетъ и Плехановъ, когда онъ пишетъ, что «индивидуумъ—біологическая категорія, а національность—историческая категорія», потому что онъ разсматриваетъ здѣсь національность только въ ея государственно-бюрократическомъ значеніи. Національность въ смыслѣ народности заключаетъ въ себѣ много біологическихъ, или, точнѣе говоря, біо-психологическихъ элементовъ, не смотря на всѣ измѣненія, которымъ она подвергалась и еще подвергается подъ вліяніемъ соціальныхъ факторовъ.

Эта ошибка особенно странна со стороны Каутскаго, который въ другой статьѣ самъ указывалъ на біо-психологическіе элементы національности. Въ своей работѣ: «Языкъ и Нація» *) онъ указываетъ на четыре основныхъ элемента, характерныхъ для націи, т. е. принимавшихъ участіе въ ея образованіи: прежде всего, въ самомъ началѣ ея развитія—общее происхожденіе отъ общихъ предковъ, т. е. расовое начало, или, говоря другими словами, біологическій моментъ расового происхожденія, затѣмъ языкъ, который онъ считаетъ «самымъ важнымъ признакомъ національности»,—а языкъ—біо-психологическое явленіе; послѣ лишь идутъ общность традиціи и общая территорія. Слѣдовательно, нельзя противопоставить индивидъ національности и утверждать, что первый—біологическая, а вторая историческая категорія. Совершенно не входя въ разсмотрѣніе вопроса о «несоизмѣримости этихъ двухъ понятій», мы должны сказать, что по признанію самого Каутскаго, и національность не есть исключительно историческая категорія.

Но эта ошибка не случайна: она крайне характерна для марксизма, который любитъ всегда давать алгебраическія формулы. Онъ не считается съ конкретными «нѣжными національными цвѣтками»; для него нація начинается лишь съ «компактной массы въ 12—20 милліоновъ» людей, т. е. съ націи государства.

Эта основная ошибка предопредѣляетъ всѣ дальнѣйшія разсужденія и Каутскаго и Плеханова.

Каутскій разсматриваетъ все съ точки зрѣнія превращенія капиталистическаго производства въ соціальное. Какое значеніе при этомъ имѣетъ индивидуальность или національность? Организмъ соціальнаго производства, который будетъ созданъ въ будущемъ, не можетъ ограничиваться «націей, страной». Чего же вы тутъ лѣзете съ какими то національными требованіями, съ какой то національной автономіей! «Цѣль освободительной борьбы пролетаріата—слить въ большомъ механизмѣ производства всѣ индивидуальности, состав-

*) Neue Leit 190³/₄ Band I, Heft 2.

ляющія его элементы», т. е. ассимиляція. И это вполнѣ логично, разъ дѣло касается исключительно той или иной формы производства, которое требуетъ отъ людей и отъ народовъ не того, что въ нихъ имѣется индивидуальнаго, специфическаго, а массового, общественно-необходимаго. Ни въ самомъ процессѣ производства, ни въ распредѣленіи продуктовъ не проявляются и не должны проявляться различія существующія между чехомъ и нѣмцемъ, между англичаниномъ и французомъ, между русскимъ и евреемъ. Такимъ образомъ, Каутскій создаетъ новый и «категорическій императивъ»: не абсолютное развитіе личности, а ея самопожертвованіе въ пользу коллективности. Свободная личность—это роскошь!—восклицаетъ Каутскій. Индивидуумъ долженъ служить не отечеству и не націи, а человѣчеству. Пусть даже въ будущемъ станетъ лучше индивидамъ и націямъ, но если ихъ интересы противорѣчатъ интересамъ коллективности, они должны уступить. Замѣтимъ при этомъ, что Каутскій намъ не показываетъ, какъ, при какихъ условіяхъ это можетъ случиться. Единственный примѣръ, на который онъ ссылается, крайне неудаченъ: Марксъ былъ противъ національныхъ стремленій славянъ Австріи и Турціи, опасаясь, что они могутъ повредить освободительному движенію. Но Марксъ вѣдь ошибся и ничего больше. Развѣ это доказываетъ, что стремленія этихъ національностей шли въ разрѣзъ съ интересами общаго прогресса? Нисколько. Событія послѣднихъ 50-ти лѣтъ намъ доказали какъ разъ обратное: достиженіе нѣкоторыми изъ этихъ народностей національной независимости только усилило армію борющихся за новое, свѣтлое будущее.

Но для Каутскаго скорѣе исторія можетъ ошибаться, чѣмъ его великій учитель Марксъ и поэтому онъ долженъ провозгласить принципъ жертвованія интересовъ національности интересамъ коллективности.

Почти на той же точкѣ зрѣнія стоитъ и Плехановъ. Его защита Маркса нисколько не удовлетворяетъ требованіямъ логичнаго мышленія, и онъ совершенно напрасно обвиняетъ Жореса въ софистикѣ. Марксъ не сказалъ, что рабочіе *не имѣютъ* національности, но онъ утверждалъ, что они ея *имѣть не будутъ*, что, впрочемъ, утверждаетъ и самъ г. Плехановъ. Жоресъ утверждаетъ, что рабочій классъ долженъ интересоваться дѣлами отечества и *всей національной традиціи*. Плехановъ критикуетъ его, говоря, что Марксъ, будто бы, никогда не говорилъ рабочимъ, чтобы они не интересовались дѣлами отечества. Но, во-первыхъ, Плехановъ игнорируетъ совершенно подчеркнутыя нами слова «всей національной традиціи» — иначе пришлось бы признать національность, какъ самодавлѣющую цѣнность, и, во-вторыхъ онъ какъ будто не знаетъ, что существуетъ двоякій интересъ: положительный и отрицательный. Марксъ имѣлъ въ виду отрицательный, а Жоресъ—положительный интересъ къ дѣламъ отечества. Первый хотѣлъ разрушать, а второй—создавать. Эту разницу долженъ былъ замѣтить Плехановъ, который нѣсколькими стро-

ками ниже утверждаетъ, что отечество должно будетъ ступеваться предъ человѣчествомъ, благодаря силѣ экономическаго развитія. Но еще разъ замѣчаемъ: насъ здѣсь занимаетъ вопросъ о національности, а не объ отечествѣ. Къ сожалѣнію, Плехановъ прямо избѣгаетъ говорить о національности, потому что онъ чувствуетъ, что къ ней неприменимо все сказанное имъ объ отечествѣ.

На одинъ пунктъ, однако, мы должны указать.

Плехановъ замѣчаетъ, что тамъ, гдѣ классовая борьба принимаетъ острый характеръ, интересы эксплоатируемыхъ классовъ различныхъ странъ гораздо ближе между собою, чѣмъ интересы различныхъ классовъ въ одной и той же странѣ. Какъ доказательство онъ приводитъ пелопонесскую войну, когда демократіи различныхъ греческихъ мелкихъ государствъ находились въ болѣе близкихъ сношеніяхъ между собою, чѣмъ демократія и аристократія въ одномъ и томъ же государствѣ Греціи. При этомъ, однако, онъ забываетъ, что всѣ греки составляли одну націю, имѣли одну культуру, однихъ боговъ и одинаковые обычаи и даже единое національное сознаніе. Послѣднее особенно рѣзко выступало, когда греческій міръ долженъ былъ встрѣтиться съ общимъ врагомъ, напримѣръ въ войнахъ съ персами и съ римлянами. Общность языка, религіи, культуры объединяла всѣхъ грековъ, начиная съ Аѳинъ и кончая самыми отдаленными колоніями въ Малой Азіи и въ Южной Италіи.

Общность классовыхъ интересовъ рабочихъ различныхъ странъ нисколько не противорѣчитъ общности національно-культурныхъ интересовъ членовъ одной и той же націи. Именно Грація всего лучше намъ доказываетъ это положеніе. Но марксистъ не можетъ признать этого положенія. Поэтому и Плехановъ не ищетъ синтеза между націонализмомъ и интернаціонализмомъ, а дѣлаетъ, подобно Каутскому, первый функціей второго, при чемъ вообще первый приносится въ жертву второму.

На той же точкѣ зрѣнія стоятъ Эрве, Гедъ и даже... представитель «автономистовъ», который никакъ не осмѣлился повѣдать міру о взятой имъ на прокатъ у Шпрингера теоріи національно-культурной автономіи.

Странная забывчивость... или трусливость мысли!

Намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ о мнѣніяхъ Пернерсторфера, Вальяна, Бебеля и Ферри. Они интересны тѣмъ, что въ нихъ замѣчается справедливая оцѣнка роли и значенія національности, несмотря на ихъ марксизмъ и несмотря на то, что за исключеніемъ Пернерсторфера, они тоже смѣшиваютъ отечество и національность. Но даже уже Бебель понимаетъ, что нельзя все сводить къ «однообразію формъ производства». Онъ уже понимаетъ, что иногда можетъ случиться какъ разъ обратное: угнетеніе національности въ ея духовной области можетъ повлечь за собой поврежденіе ея матеріальныхъ интересовъ. Онъ уже понимаетъ, что стремленіе угнетенной національности къ независимости ничего общаго не имѣ-

етъ съ шовинизмомъ и не можетъ ничего затемнять. Отъ руки Бебеля марксизмъ получаетъ самый сильный ударъ, а именно въ вопросѣ объ отношеніяхъ долженствующихъ существовать между національнымъ и интернаціонализмомъ.

По самую рѣзкую критику марксизма намъ далъ Пернерсторферъ, который основывался не на теоріяхъ, а на фактахъ реальной жизни. Въ Австріи національный вопросъ занимаетъ центральное мѣсто во всей общественной жизни страны. Какъ депутатъ въ австрійскомъ парламентѣ, онъ не разъ могъ убѣдиться въ томъ, что національная независимость составляетъ сама по себѣ прогрессивный факторъ въ общественной жизни. Пернерсторферъ уже не скажетъ о національности, что она продуктъ формъ производства. «*Онѣ* (національности)—пишетъ онъ—*не могутъ быть объяснены*, какъ, напримѣръ, форма нашего соціальнаго строя, *экономическими причинами*: онѣ—формы проявленія человѣчества, основы которыхъ мы должны искать въ извѣстныхъ расовыхъ смѣшеніяхъ, въ географическихъ и климатическихъ условіяхъ и въ общеисторическихъ судьбахъ» (К. Н.). *Національность составляетъ*, какъ мы выше уже замѣтили, *опріорныя категоріи пространства и времени, предшествующія и сопутствующія общественному развитію, между прочимъ и классовой борьбѣ*. Изъ этого слѣдуетъ, что національность составляетъ вообще неизбѣжно необходимое условіе всякаго общественнаго прогресса и ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть превращена въ функцію формъ производства. Къ этому заключенію мы приходимъ вмѣстѣ съ Пернерсторферомъ не на основаніи абстрактныхъ разсужденій, а на основаніи изученія фактовъ современной исторической жизни различныхъ народовъ. Мы видимъ, что и самыя маленькія національности не успокаиваются, пока не добиваются условій нормальнаго самоопредѣленія. Мы видимъ, что національная борьба не только не затемняетъ классовой борьбы, но лишь она создаетъ условія для правильнаго развитія послѣдней. Мы видимъ, что національная проблемма толкаетъ всѣ партіи на путь демократизаціи всѣхъ общественныхъ условій. Благодаря національному вопросу въ Австріи даже буржуазныя партіи начинаютъ требовать введенія всеобщаго избирательнаго права. Только благодаря національному объединенію въ Германіи и Италіи рабочее движеніе могло развиваться и прогрессировать.

Мы поэтому вмѣстѣ съ Пернерсторферомъ должны, вопреки всѣмъ декламаціямъ марксизма, сказать: «*національность въ ея высшей формѣ есть идеальное благо*».

IV.

Намъ остается теперь разсмотрѣть еще одинъ вопросъ: объ отношеніи марксизма къ еврейской національности. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ послѣднее время еврейскіе марксисты, какъ въ лагерѣ автономистовъ, такъ и въ рядахъ сіонистовъ мучаются надъ

разрѣшеніемъ національнаго еврейскаго вопроса исключительно съ точки зрѣнія историческаго матеріализма. Эти люди вовсе не замѣчаютъ, что они занимаются разрѣшеніемъ квадратуры круга. Замѣчается даже и такой странный на первый взглядъ фактъ, что сіонисты какъ бы стыдятся національной стороны еврейскаго вопроса, боясь быть обвиненными въ реакціонности, шовинизмѣ, затемненіи классового самосознанія и т. п. нелестныхъ вещахъ. Эти сіонисты создали какой то «экономическій сіонизмъ» и прибѣгаютъ въ своихъ разсужденіяхъ къ какимъ то темнымъ софизмамъ въ родѣ того, что все въ исторіи объясняется матеріальнымъ факторомъ, но что и идеологія по временамъ пошаливаетъ, и тогда она «объясняетъ» національность.

А дѣло такъ просто. Марксизмъ, какъ и Марксъ самъ, не допускаетъ не только наличность еврейской національности, но даже и еврейскаго вопроса вообще.

Прислушайтесь внимательно къ тому, что Марксъ говоритъ о еврейскомъ вопросѣ.

Но намъ могутъ сказать, что Марксъ писалъ о еврейскомъ вопросѣ еще въ ту эпоху, когда внутренняя жизнь еврейства была вообще неизвѣстна, что Марксъ невольно ошибся. Однако, Марксъ жилъ до 1883 года, и онъ никогда не нашелъ нужнымъ поправить свое поверхностное сужденіе о евреяхъ, которое было составлено лишь на наблюденіи фактовъ изъ жизни евреевъ большихъ германскихъ центровъ. А его ученикъ, Мерингъ, издатель его сочиненій, пишетъ въ 1902 г.: «Всякій комментарій только ослабилъ бы это фундаментальное изслѣдованіе (Маркса о еврейскомъ вопросѣ); эти немногія страницы перевѣшиваютъ всю многочисленную (thurmhohe) литературу, появившуюся съ тѣхъ поръ о еврейскомъ вопросѣ»*).

Въ общемъ нѣмецкіе марксисты, за незначительными исключеніями, стоятъ въ еврейскомъ вопросѣ на точкѣ зрѣнія Маркса.

Какъ же онъ смотрѣлъ на еврейство? Приблизительно, какъ первый попавшійся антисемитъ. Онъ пишетъ: «Какова свѣтская основа еврейства? Практическая потребность, своекорыстіе. Каковъ свѣтскій культъ евреевъ? Торгашество. Каковъ ихъ свѣтскій богъ? Деньги. И такъ, освобожденіе отъ торгашества и отъ денегъ, т. е. отъ практическаго реальнаго еврейства и есть самоосвобожденіе нашего времени... Такимъ образомъ, въ лицѣ еврейства передъ нами общій антисоціальный элементъ современности; благодаря историческому развитію, въ которомъ принимали усердно участіе—въ плохомъ смыслѣ—евреи, этотъ элементъ поднялся на свою нынѣшнюю высоту, на каковой онъ и долженъ неизбѣжно разложиться. Эмансипація еврейства въ конечномъ своемъ значеніи, и есть эмансипація человѣчества отъ еврейства»**).

*) Gesammelte Schriften v. K. Marx und Fr. Engels. Herausgegeben v. T. Mehring, 1902. Erster Band. S- 356.

**) Тамъ же, стр. 425—426.

И дальше: Богъ евреевъ принялъ свѣтскую форму, онъ сдѣлался міровымъ богомъ. Вексель—дѣйствительный богъ евреевъ. Его ва не что иное, какъ иллюзорный вексель... Химерическая національность(!) еврея—національность купцовъ, вообще денежнаго человѣка». И наконецъ опять: «общественная эмансипація еврея—это освобожденіе общества отъ еврейства».

И это называется послѣднее слово науки! Это характеристика еврейства! Даже Бебель не осмѣливается подписаться подъ всѣми мнѣніями Маркса о еврействѣ. Они свидѣтельствуютъ не только о полномъ незнакомствѣ еврея Маркса съ іудаизмомъ, но и о полномъ незнаніи положенія современнаго ему еврейства даже въ самой Германіи, гдѣ въ ту эпоху (въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія) громадная часть еврейства была крайне бѣдна. Несомнѣнно, что Бруно Бауэръ, котораго Марксъ такъ жестоко критикуетъ, гораздо глубже проникъ въ еврейскую проблемму: онъ понялъ, что еврейство, оставаясь среди другихъ народовъ, должно ассимилироваться. Для Маркса все еврейство сводилось къ нѣсколькимъ банкирамъ, а весь іудаизмъ—къ поклоненію золотому тельцу. Полемизировать противъ взглядовъ Маркса на еврейство мы считаемъ излишнимъ, какъ мы вообще находимъ излишней всякую полемику съ антисемитами. Въ крайнемъ случаѣ мы предоставляемъ эту работу нашимъ «автономистамъ» и вообще всѣмъ *евреямъ*, которые клянутся Марксомъ. Мы не для этого привели слова его, но для того чтобы показать, какъ Марксъ относился къ еврейской національности. Но, возразятъ намъ, если бы онъ зналъ основательно еврейство, если бы онъ дожилъ до той эпохи, когда многотысячный еврейскій пролетаріатъ принимаетъ участіе въ борьбѣ за общечеловѣческій прогрессъ, онъ, вѣроятно, измѣнилъ бы свое мнѣніе и, быть можетъ, одобрилъ бы—кто знаетъ—культурный или территоріальный автономизмъ. Однимъ словомъ, намъ могутъ возразить, что надъ Марксомъ стоитъ марксизмъ, который по существу, ничего не имѣетъ противъ еврейскаго національнализма.

Предположеніе довольно проблематичное послѣ того, какъ мы выяснили сущность отношенія марксизма, какъ системы, къ національности вообще. Тѣмъ болѣе, что и въ новѣйшее время марксисты занимались еврейскимъ вопросомъ и всякій разъ его рѣшали въ духѣ Маркса, въ духѣ ассимиляціи. Мы только остановимся на двухъ мнѣніяхъ самыхъ выдающихся марксистовъ. Въ своей извѣстной статьѣ о кишиневскихъ событіяхъ, Каутскій прежде всего устанавливаетъ основное положеніе: «Такимъ образомъ, евреи перестали существовать, какъ нація, *такъ какъ нація немыслима безъ опредѣленной территоріи*» (К. Н.). Представимъ себѣ слѣдующее разсужденіе: такимъ образомъ пролетаріатъ пересталъ существовать, какъ творецъ прогресса, въ свою пользу, такъ какъ это творчество немыслимо безъ владѣнія орудіями производства. Въ сущности такъ разсуждаетъ Каутскій о евреяхъ: онъ принимаетъ нѣчто временное,

переходящее за абсолютное, не подлежащее измѣненію. Онъ примиряется съ дѣйствительностью даже не давши себѣ труда выяснить, *почему* нельзя измѣнить этой дѣйствительности. И этимъ пользуются враги сіонизма для доказательства, что нѣтъ еврейской націи. Только потому, что Каутскій, самъ Каутскій, соизволилъ сдѣлать безсмысленное,—ибо ничѣмъ не доказанное,—изреченіе!

Исходя изъ этого положенія, принимая за аксіому, что евреи не нація, а племя, Каутскій съ необыкновенной легкостью разрѣшаетъ всю еврейскую проблему. Евреи страдаютъ отъ антисемитизма — легко помочь: «Только тѣмъ, говоритъ Каутскій, что инородные слои населенія перестанутъ быть чужими, сольются съ общей массой населенія. Это единственно возможное разрѣшеніе еврейскаго вопроса (sic!), и мы должны поддерживать все то, что способствуетъ устраненію еврейской обособленности». Я спрашиваю нашихъ «автономистовъ» и нашихъ «марксистовъ-сіонистовъ», чѣмъ отличается это рѣшеніе отъ рѣшенія всѣхъ буржуазныхъ партій?

Болѣе этого: Каутскій не можетъ себѣ представить, чтобы евреи могли принимать участіе въ общеосвободительной борьбѣ раньше чѣмъ они ассимилировались. Ассимиляція такимъ образомъ является, по мнѣнію непризнаннаго папы современнаго марксизма, conditio sine qua non прогресса еврейскаго «племени». Точно такъ же разсуждалъ Бруно Бауэръ и всѣ представители радикально буржуазной мысли. Но гдѣ Каутскій дѣйствительно перещеголялъ всѣхъ ассимиляторовъ изъ еврейскаго и нееврейскаго лагеря,—это тамъ, гдѣ онъ говоритъ, что «сіонистское движеніе можетъ только усилить вражду къ евреямъ въ народныхъ массахъ, поскольку оно увеличиваетъ обособленіе еврейства отъ остального населенія и все болѣе дѣлаетъ евресвъ чуждымъ племенемъ»... Какъ знакомы эти рѣчи, внушенныя рабской психологіей, боязнью предъ антисемитизмомъ! Точно такъ разсуждали всѣ сытые элементы Италіи, Чехіи, Болгаріи, когда въ нихъ зародилась борьба за національное возрожденіе.

И пусть намъ не указываютъ на нѣкоторыя мѣста изъ другихъ статей Каутскаго, гдѣ онъ говоритъ, что настаетъ время, когда интересы пролетаріата совпадаютъ съ интересами націи, потому что все это относится къ націямъ вообще, но не къ еврейской, такъ какъ ея вообще не существуетъ по словамъ марксистовъ.

На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и другой шефъ современнаго марксизма. Онъ тоже вовсе не считаетъ нужнымъ разбираться въ вопросѣ о національности, поскольку рѣчь идетъ о евреяхъ. Здѣсь дѣло просто: нѣтъ еврейской націи и баста. А что ея нѣтъ лучше всего доказывается научными открытіями Каутскаго и еврея-буржуа Наке. Развѣ можно послѣ этого сомнѣваться! Нація характеризуется наличностью собственной территоріи и родного языка, а евреи не обладаютъ этими признаками, ergo евреи не нація. Лишь иронически предлагаютъ разработать «идею особой національности рус-

скихъ евреевъ, языкомъ которыхъ является жаргонъ, а территоріей —черта осѣдлости». Предполагая, что всѣ эти разсужденія слишкомъ хорошо знакомы нашимъ читателямъ мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на нихъ подробнѣе. Это было бы и безполезно. Здѣсь не злая воля или непониманіе того или другого марксиста рѣшаетъ вопросъ, а весь марксизмъ, который по существу своему есть философія безразличной массы, которой приносится въ жертву и индивидуальность, и національности.

Съ точки зрѣнія историческаго матеріализма нельзя защищать принципа національной автономіи: въ крайнемъ случаѣ послѣдняя превращается въ принципъ оппортунистической политики, т. е. марксистъ будетъ защищать право на національное самоопредѣленіе, когда это въ чемъ нибудь облегчаетъ пролетарскую борьбу. Національность — или буржуазная выдумка, или средство для другой цѣли, но не самостоятельная цѣнность.

Вотъ почему всѣ усилія «нашихъ» марксистовъ пристегнуть къ историческому матеріализму и принципъ національности крайне худосочны и неестественны. Вотъ почему наши автономисты договорились до дѣйствительно геніальной формулы: «Мы противъ ассимиляторовъ, но не противъ ассимиляціи», какъ будто дѣло въ ассимиляторахъ, а не въ ассимиляціи. Вотъ почему и наши сіонисты марксисты, чувствуя свое безвыходное положеніе, вообще избѣгаютъ національнаго вопроса пуще огня, боясь обжечься. И рады бы въ рай, да грѣхи—спрѣчь марксизмъ—не пускаетъ. Такъ лучше молчать.

А жизнь назойливо выдвигаетъ вопросъ о національности и вотъ прибѣгаютъ къ компрометирующимъ компромиссамъ, которые ничего не рѣшаютъ и никого не удовлетворяютъ. Получается въ результатѣ: шатаніе мысли и расплывчатость въ дѣйствіяхъ, отсутствіе рѣзко опредѣленной программы и ясно начертаннаго плана дѣйствій.

V.

Но, можетъ быть, марксизмъ правъ? Можетъ быть національность, въ самомъ дѣлѣ, должна въ конечномъ счетѣ исчезнуть, какъ преходящая стадія развитія человѣчества? Можетъ быть, національность, въ самомъ дѣлѣ, является тормазомъ успѣшной борьбы за существованіе идеаловъ коллективизма и соціальной правды? И не долженъ ли очутится на скамьѣ подсудимыхъ не марксизмъ, а націонализмъ во всѣхъ его формахъ? Не осуждены-ли на самомъ дѣлѣ «нѣжные національные цвѣтки» быть безжалостно растоптанными «объективнымъ ходомъ исторіи» и «однообразіемъ формъ производства»?

Во всякомъ случаѣ, маленькое утѣшеніе мы, еврейскіе націоналисты, можемъ найти въ словахъ такихъ людей, какъ Бебель, Вальянъ. Ферри и Пернерсторферъ, которыхъ уже никто не можетъ запо-

дозрѣть въ «реакціонномъ шовинизмѣ». Утѣшеніе, но не больше! Эти люди защищаютъ прогрессивный характеръ національности, нисколько не переставая быть марксистами. Но мы этимъ удовлетвориться не можемъ. Какъ марксисты, они непослѣдовательные защитники національности и, наоборотъ: въ своей послѣдней роли они — непослѣдовательные марксисты. Но мы евреи, находящіеся въ исключительномъ положеніи, національность которыхъ отрицается даже австрійскими коллективистами, на собственной шкурѣ испытавшихъ весь трагизмъ національной проблемы, не можемъ и не должны остановиться на полдорогѣ. Мы не можемъ ссылаться на авторитетъ ни Бебеля, ни Пернесторфера, потому что они имѣютъ въ виду всѣ національности міра, только не еврейскую. Мы должны сами, собственными усиліями, рѣшить проблему національности и не на основаніи какой то неизвѣстно откуда взявшейся самозародившейся воли еврейскаго народа — безпричинной воли не существуетъ — а на основаніи изученія объективныхъ фактовъ жизни. И здѣсь мы должны сказать: Grau ist die Theorie, doch grün ist das Leben. Не теорія, хотя бы и самого Маркса, а жизнь, какъ она есть, можетъ рѣшить этотъ вопросъ.

А исторія намъ доказываетъ одно: всякій человѣческій прогрессъ совершался только въ рамкахъ національности. Сознательный историческій прогрессъ начинается лишь съ момента появленія національностей. Лишь тѣ народности оставили глубокій и неизгладимый слѣдъ въ исторіи всемірной культуры и цивилизаціи, которыя представляли собой наиболѣе рѣзко выраженныя національности. Еврейскій, греческій и римскій народы, величайшіе творцы прогресса, были въ то же время и самыя яркія націи. И какъ только національность по тѣмъ или другимъ причинамъ стушевывалась, слабѣла и разрушалась, она въ то же время съ фатальностью рока переставала творить, создавать культурныя цѣнности. Вотъ почему погибли всѣ эти огромныя имперіи древняго и классическаго періода исторіи. Прогрессъ останавливается въ среднихъ вѣкахъ, т. е. въ эпоху отсутствія рѣзко очерченныхъ національностей. Эпоха возрожденія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и эпоха появленія новообразовавшихся національностей. И здѣсь мы замѣчаемъ, что главную роль играютъ тѣ народы, которые раньше добились своего національнаго единства: вотъ почему Англія и Франція играютъ такую большую роль въ XVI—XVIII столѣтіяхъ, вотъ почему раньше всего развились государства-націи, т. е. гдѣ границы государства совпадали съ границами объединенной націи. Фактъ, что всѣ эти націи составлены изъ осколковъ различныхъ расъ, племенъ и народностей ничего не доказываетъ и ничего не опровергаетъ, ибо національность не раса и не племя и не народность, а все вмѣстѣ плюсъ общая исторія, общія радости и общія печали, т. е. общія традиціи.

Однако самое яркое доказательство роли и значенія національности даетъ намъ XIX столѣтіе, не даромъ названное вѣкомъ націо-

нальнаго объединенія. Развѣ это случайность, что Германія и Италія начали свое гигантское развитіе именно тогда, когда онѣ разрѣшили свои національныя проблемы, когда онѣ реализовали свое національное единство? Было бы наивно, если бы мы ограничились указаніемъ на то, что буржуазія этихъ странъ, желая создать себѣ по возможности болѣе широкій рынокъ, создало это національное единство. Обратное вѣрно: лишь національное объединеніе Германіи и Италіи создало условія для благопріятнаго развитія буржуазіи въ этихъ странахъ. Въ началѣ XIX столѣтія германская буржуазія была такъ слаба, что она еще не имѣла никакого вліянія на ходъ дѣлъ. Однако письма Фихте къ германскому народу находили откликъ во всѣхъ слояхъ нѣмецкаго народа и воодушевляли всѣ классы населенія. Объединеніе Италіи, несомнѣнно, создано не итальянской буржуазіей, которая въ ту эпоху была лишь въ зародышѣ, а широкой итальянской демократіей. Гарибальди имѣлъ мало общаго съ буржуазіей. Но не только народы, бывшіе абсолютными господами обитаемой ими территоріи, стремились къ національному объединенію, но даже и тѣ народности, которыя, казалось, окончательно потеряли всѣ внутреннія силы, необходимыя для самостоятельной національной жизни, пробудились къ новой жизни. И сдѣлали онѣ это, нисколько не справляясь съ предсказаніями, теоріями и желаніями Маркса и вопреки всякой классовой психологіи. Осужденные Марксомъ на смерть чехи, кроаты, моравы, болгаре, сербы высоко подняли знамя своего національнаго освобожденія. Всегда и повсюду всѣ слои и классы данной народности стремились къ завоеванію своей національной независимости, по мѣткому выраженію болгарина Инсарова: «Въ Болгаріи послѣдній мужикъ, послѣдній нищій и я — мы желаемъ одного и того же, у всѣхъ одна цѣль». Если были элементы противъ національнаго освобожденія, то они рекрутировались именно въ аристократіи (у чеховъ) и въ рудиментарной буржуазіи (у балканскихъ народовъ). И всѣ эти народы не успокоились или не успокоятся, пока они достигли или достигнутъ своей основной цѣли—національной независимости, несмотря на то что они не составляютъ «компактной массы въ 12-20 милліоновъ людей». И развѣ кто либо можетъ отрицать, что эти призванные къ новой исторической жизни народы въ то же время усиливаютъ всемірную армію борцовъ за идеалы соціальной справедливости? Развѣ національное освобожденіе не было необходимымъ условіемъ предшествующимъ полному и возможному развитію классовой борьбы? Вотъ чему насъ учитъ жизнь. Она намъ доказываетъ, что національность не зависитъ отъ формъ производства, что она рѣзко выражена при наличности самыхъ разнообразныхъ экономическихъ условій—начиная съ натуральнаго хозяйства, основаннаго на рабствѣ, въ Греціи и кончая самой развитой формой капитализма Англіи и Германіи. Національность такой же основной факторъ исторіи, какъ и классовая борьба, при чемъ первая предшествуетъ второй, какъ вообще форма

предшествуетъ содержанію. И чѣмъ болѣе экономическая жизнь развивается, тѣмъ неотложнѣе становится разрѣшеніе національной проблемы у различныхъ народностей.

Здѣсь не мѣсто разбирать крайне сложныя отношенія существующія между индивидуальностью и коллективностью, между національностью и человѣчествомъ, но одно ясно: соціальный прогрессъ, основой котораго является классовая борьба—хотя и не исключительно — возможенъ только въ рамкахъ вполнѣ независимыхъ и нормально живущихъ національностей. *Борьба за національность не затемняетъ классового самосознанія, а лишь она дѣлаетъ его проявленіе наиболѣе яснымъ*, уничтожая всѣ искусственныя препятствія и освобождая всѣ народныя силы.

Но не надо забывать и слѣдующаго обстоятельства: нельзя разсматривать все и вся съ узко-пролетарской точки зрѣнія, имѣющей въ виду только злободневные интересы. Для полнаго развитія пролетарскаго движенія необходимо, чтобы всѣ классы могли развернуть всѣ свои силы. Въ странѣ гдѣ буржуазія не можетъ свободно развиваться, гдѣ экономическое развитіе задерживается искусственно, тамъ и рабочее движеніе связано по рукамъ и ногамъ. Это доказываетъ намъ вся исторія послѣднихъ 150 лѣтъ. Рабочій классъ стоитъ обѣими ногами на основѣ, созданной другими классами и до тѣхъ поръ пока послѣдніе не развили всей своей энергіи, пока они не создали всей своей культуры, невозможно и развитіе четвертаго сословія. Освобожденіе національности есть освобожденіе всѣхъ классовъ данной народности.

Всѣ эти обстоятельства и привели къ тому, что представители рабочаго движенія въ различныхъ странахъ должны теперь признать все громадное значеніе національнаго самоопредѣленія. Жизнь заставила Бебеля и Пернерсторфера, Жореса и Ферри усмотрѣть въ свободной національности великій факторъ прогресса.

Точно также жизнь заставила и еврейскихъ марксистовъ сначала признать вообще существованіе еврейской національности, а затѣмъ выставить національныя требованія. Какъ марксисты страха ради, изъ боязни передъ «ортодоксальными», они вначалѣ разсматривали еврейство лишь какъ жаргонъ, какъ техническое средство для пріобщенія нашей массы къ міровой культурѣ; но жизнь толкала ихъ все дальше и дальше, пока наконецъ они теперь заявляютъ претензіи на исключительное представительство еврейской національности. Но связанные по рукамъ и ногамъ марксистской догмой, они не могутъ выставить полнаго идеала независимой еврейской національности.

Это должны исполнить сіонисты.

Мы не будемъ здѣсь доказывать, что, вопреки Марксу и всѣмъ его ученикамъ, еврейская нація фактически существуетъ. Мы это

*) Письма къ еврейской молодежи. Евр. жизнь 1905 г. кн. 5.

сдѣлаемъ въ другомъ мѣстѣ*) Событія послѣдняго времени лучше всего доказали наличность еврейской націи, хотя она не имѣетъ территоріи. Необходимо только, изучая объективныя условія нормальнаго развитія всѣхъ націй вообще, ясно формулировать нашъ національный идеалъ. Онъ не только средство, но и сама цѣль, и поэтому мы не должны какъ бы извинять нашъ націонализмъ экономическими соображеніями. Наряду съ экономическимъ факторомъ дѣйствуетъ и національный факторъ: вмѣстѣ они создаютъ сіонизмъ.

Еврейство, давшее міру много «новыхъ словъ» призвано теперь дать міру еще одно новое слово: формулу прогресса, объединяющую національное и соціальное, свободное развитіе индивидуальности и преуспѣяніе коллективности, дифференцированную національность и интернаціональное человѣчество. Только освободимся разъ навсегда отъ марксистской фразеологіи, которая въ національномъ вопросѣ потерпѣла полное крушеніе.

Нашъ лучшій учитель—жизнь. А жизнь доказываетъ одно: національность въ ея высшей формѣ есть идеальное благо; внѣ свободной національности никакой прогрессъ невозможенъ.

А признавъ національность основнымъ факторомъ человѣческаго прогресса, мы сможемъ точно и ясно формулировать условія, необходимыя для нормальнаго развитія націи. Тогда лишь мы сможемъ отвѣтить на вопросъ: культурная автономія или независимая территорія.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ лежитъ внѣ рамокъ этой статьи. Но одно мы можемъ сейчасъ же замѣтить: и Марксъ, и Каутскій даже не допускаютъ возможности существованія національности безъ собственной территоріи. Вѣдь для Каутскаго самымъ главнымъ доказательствомъ несуществованія еврейской націи и есть именно отсутствіе собственной территоріи у евреевъ.

Мы, сіонисты, однако, не ссылками на Маркса и Каутскаго обосновываемъ наши стремленія къ пріобрѣтенію собственной автономной территоріи, а руководясь всѣмъ прошлымъ и настоящимъ нашего народа, нашими требованіями національной самостоятельности и соціальнаго возрожденія.

Мы за національную самостоятельность, потому что безъ нея невозможно соціальное возрожденіе нашего народа; мы за соціальное возрожденіе евреевъ, потому что только оно гарантируетъ намъ интегральное развитіе нашей національности.

Мы сіонисты, потому что насъ жизнь дѣлаетъ сіонистами.

Резюмируя вышеизложенное, мы можемъ предложить по интересующему насъ вопросу нижеслѣдующіе тезисы:

1) Историческій матеріализмъ Маркса и его послѣдователей признаетъ формы производства опредѣляющимъ факторомъ исторіи, слѣдовательно и культуры. А такъ какъ производство имѣетъ тенденцію принимать универсально—однообразныя формы, то послѣдова-

тельный марксизмъ долженъ признавать, что и всѣ формы въ культурѣ, въ томъ числѣ и національныя, должны все болѣе и болѣе универсализироваться.

Послѣдовательный марксизмъ враждебенъ «національной обособленности» и вообще развитію національностей.

2) Жизнь доказала, что фактически національныя индивидуальности все болѣе и болѣе развиваются и что это національное развитіе не только не вредило, но оказалось въ высшей степени полезнымъ для развитія коллективизма. Жизнь доказала, что національное освобожденіе всегда предшествовало движенію, имѣющему своею цѣлью соціальное освобожденіе.

3) Подъ вліяніемъ уроковъ жизни марксисты начинаютъ понимать не только фатальную необходимость, но и прогрессивное значеніе развитія національностей, особенно марксисты тѣхъ странъ, гдѣ борьба національностей играетъ большую роль въ общественной жизни. Самымъ послѣдовательнымъ защитникомъ національнаго принципа является Пернерсторферъ, дѣйствующій въ Австріи.

4) Марксизмъ не признаетъ и не можетъ признать наличности еврейской національности, главнымъ образомъ потому, что она лишена собственной территоріи. Марксизмъ не признаетъ и не можетъ признать національно-культурной автономіи.

5) Развитіе національной дифференціаціи, несмотря на все усиливающееся однообразіе формъ производства, доказываетъ автономное начало духовно-культурнаго фактора въ исторіи и невозможность объяснить послѣдній экономикой.

6) Экономическія и духовныя причины создали сіонизмъ, доказывающій наличность еврейской націи. Еврейскій націонализмъ, имѣющій цѣлью пріобрѣсти для еврейскаго народа собственную территорію и такимъ образомъ создать для него условія его нормальнаго развитія, представляетъ въ высшей степени прогрессивное явленіе и никоимъ образомъ не противорѣчитъ принципамъ интернаціональнаго коллективизма,

Октябрь 1905 г.

Д-ръ **Д. Пасманикъ.**

Энгельбертъ Пернерсторферъ.

Національная и интернаціональная мысль.

Французскій соціалистъ Эрве (Hervé) далъ поводъ своего рода антипатріотическимъ пронунціаменто къ довольно подробному выясненію націонализма, интернаціонализма, патріотизма. Я еще не имѣлъ ни времени, ни возможности слѣдить за этими спорами въ продолженіи послѣднихъ дней. Я не имѣю намѣренія вмѣшаться въ эту полемику, я хочу лишь по поводу этого животрепещущаго вопроса высказать, что уже давно накопилось въ душѣ моей. Соціалъ-демократъ нѣмецкой націи, живущій въ Австріи имѣетъ, можетъ быть, особенное право на это, потому что положеніе въ Австріи какъ бы создано для того, чтобы показать національную и интернаціональную проблему въ особенно рѣзкой формѣ. Здѣсь именно націонализмъ и интернаціонализмъ выступаетъ не какъ противорѣчіе различныхъ государствъ; здѣсь дѣло касается національнаго и интернаціональнаго вопросовъ, совершенно отдѣленныхъ отъ государственной противоположности; здѣсь—классическая почва этой проблемы; здѣсь должно именно выясниться, растворяются ли національныя противорѣчія безслѣдно въ интернаціонализмѣ, или не находятъ ли скорѣе націонализмъ и интернаціонализмъ свое высшее единство въ соціальной демократіи.

Этотъ вопросъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что—по крайней мѣрѣ среди нѣмецкихъ марксистовъ—всякое національное чувствованіе разсматривалось очень часто, какъ прегрѣшеніе противъ интернаціонализма, болѣе этого, прямое національное вѣрую дѣлало человѣка подозрительнымъ или смѣшнымъ.

Такъ обстоитъ и теперь еще дѣло въ средѣ большихъ массъ нѣмецкихъ рабочихъ Австріи и лишь въ послѣдніе годы замѣчается незначительное измѣненіе. Или фальшиво проповѣдывали понятіе *интернаціонализма*, или же оно ложно было понято и уже давно наступило время искоренить мысль *стараго* интернаціонализма. Направленная противъ націонализма во всѣхъ формахъ, она старалась разрушать и мысль естественнаго націонализма, какъ будто ея сущность состоитъ въ томъ, чтобы искоренить послѣднюю и привести къ разложенію національностей.

Фактъ, что эта почти антинаціональная форма интернаціонализма могла успѣшно распространиться среди нѣмцевъ, имѣетъ свои

хорошія историческія основанія. Все, что называло себя въ новомъ объединенномъ государствѣ (т. е. въ Германіи) *національнымъ*, было страшно враждебно соціализму и организованнымъ рабочимъ и такъ дѣло обстоитъ еще и теперь. Но важное различіе между прошлымъ и настоящимъ состоитъ въ томъ, что 30 лѣтъ тому назадъ нѣмецкая соціалъ-демократія составляла маленькую партію, а теперь она самая большая. Когда то она находилась въ оппозиціи къ громадному большинству всѣхъ жителей германскаго государства, а теперь она образуетъ такую большую часть всего населенія, что она можетъ разсчитывать въ недалекомъ будущемъ сдѣлаться большинствомъ націи. Она все болѣе и болѣе дѣлается сама націей и національной партіей.

Изъ Германіи соціализмъ перешелъ въ Австрію. Здѣсь лежитъ большое затрудненіе,—чѣмъ болѣе, государство должно было развиваться, несмотря ни на что, въ новомъ духѣ,—въ наличности многихъ націй. Ихъ споръ уже въ продолженіе цѣлаго поколѣнія господствуетъ надъ всей внутренней политикой. Этотъ національный споръ долженъ былъ сдѣлаться самымъ сильнымъ тормазомъ всякаго свободнаго и соціально-политическаго развитія. Совершенно естественно, что нѣмецкіе рабочіе Австріи,—число которыхъ превосходило значительно число рабочихъ всѣхъ другихъ націй, вмѣстѣ взятыхъ, населяющихъ Австрію,—противопоставили столь мѣшающимъ дѣйствіямъ нападенія и защиты отдѣльныхъ народностей—идею интернаціонализма. И здѣсь такимъ образомъ интернаціонализмъ былъ понятъ, какъ анаціонализмъ (отсутствіе націи): въ этомъ смыслѣ онъ еще до сихъ поръ понимается тысячами рабочихъ. Такъ называемые *руководящіе элементы*, особенно среди нѣмцевъ, стоятъ еще и теперь на этой точкѣ зрѣнія. Еще и теперь, хотя со времени Гайндфельдскаго партійнаго съѣзда (1889) произошли значительныя измѣненія. Этотъ съѣздъ, какъ извѣстно, снова объединилъ разсѣянные, спутанные и дезорганизованные элементы въ одну общую партію. Рабочіе всѣхъ народностей Австріи образовали сплоченную массу, объединенную въ административномъ и организаціонномъ отношеніи. На съѣздахъ, совѣщаніяхъ и собраніяхъ царствовало полное равноправіе всѣхъ языковъ Австріи. Національный вопросъ былъ лишь вопросъ о языкахъ. Собственно идея національности стушевывалась, болѣе этого, была отвергнута, какъ мѣшающій элементъ: вѣдь національныя буржуазныя партіи были общими врагами. Австрійскій пролетаріатъ выступалъ противъ національныхъ партій интернаціонально объединеннымъ.

Но вотъ наступилъ 1897 годъ и вмѣстѣ съ нимъ Вимбергскій партійный съѣздъ въ Вѣнѣ. На немъ принято было принципіально то, что въ типи подготовлялось. Единство партіи было удержано, но форма администраціи и организаціи измѣнилась существенно. Мы имѣемъ въ западной Австріи шесть партій; каждая самоуправляется и имѣетъ свои собственные съѣзды и партійные комитеты. А всѣ эти комите-

ты, вмѣстѣ взятые, составляютъ общую исполнительную власть.... Внутреннее единство высказывается въ томъ, что никогда никакая національная группа не предпринимаетъ ничего болѣе или менѣе важнаго безъ того, чтобы добиться согласія всей партіи. Когда въ 1897 году дебатировались основы этого раздѣленія (по національностямъ) многіе, а особенно старые товарищи, сильно противились ему. Это сопротивленіе имѣло своимъ источникомъ старое представленіе объ интернаціонализмѣ, которое считало не соціалъ-демократичнымъ желаніе выдвинуть впередъ національныя различія. Еще теперь имѣются между нами такіе, которые считаютъ несчастіемъ это новое преобразованіе партіи. Не то, чтобы оно ослабило партію, и нельзя сказать, чтобы можно было констатировать какой нибудь важный недостатокъ въ этой новой формѣ организаціи. Совсѣмъ не такъ, наоборотъ, все болѣе и болѣе ощущается ея естественность. Но она скрываетъ въ себѣ признаніе не только націй — онѣ были всегда такъ сильны, что онѣ съ своей широкой реальностью не должны были дожидаться ихъ теоретическаго признанія—но болѣе этого: признаніе національной идеи. А еще и теперь имѣются многіе коллективисты, которые лишь съ трудомъ и медленно рѣшаются признать правомѣрность, даже необходимость національной идеи. Они видятъ въ національности лишь раздѣляющій моментъ, который создаетъ затрудненія въ дѣлѣ объединенія пролетаріата. Они видятъ неудобную помѣху въ національностяхъ, имѣя въ виду пролетарскую общность въ интересахъ настоящаго и въ цѣляхъ будущаго, и думаютъ, что мысль соціальной солидарности достаточно могущественна, чтобы искоренить всѣ національныя особенности. Въ ихъ старательности, полной добрыхъ намѣреній, они идутъ такъ далеко, что изъ за чистаго соціализма они забываютъ программу соціализма. Послѣдній требуетъ громко и ясно освобожденія народовъ, а не ихъ уничтоженія. Мы видимъ, что у многихъ маленькихъ народовъ, которые еще очень отстали въ своемъ экономическомъ развитіи, коллективизмъ пріобрѣтаетъ воодушевленныхъ послѣдователей. Можетъ быть, что причину этого страннаго явленія надо отчасти искать въ томъ, что эти народы видятъ въ коллективизмѣ защитника ихъ національности. Они—горячіе сторонники соціальной міровой солидарности, но они увидѣли бы сильное поврежденіе этой солидарности, если бы отъ нихъ потребовали, чтобы они отказались отъ своей національности, какъ отъ чего-то неважнаго, несущественнаго и второстепеннаго.

Какъ это случилось, что спеціально нѣмецкіе соціалисты относились равнодушно къ національной идеѣ? Я уже указалъ на одну причину. Слово «національный» должно было имъ сдѣлаться отвратительно, такъ какъ они видали, что *національными* называли себя именно тѣ партіи, для которыхъ дѣйствительный народъ былъ лишь объектомъ господства и эксплоатаціи. Но имѣются и еще болѣе глубокія причины этого равнодушія. Историческое развитіе

нѣмецкаго народа помѣшало образованію единаго государства съ общимъ сознаніемъ и дѣйствующій въ нѣмецкой сущности космополитизмъ, который насъ возвысилъ во многихъ отношеніяхъ, выразился въ концѣ концовъ въ формальномъ самоотрицаніи. А то, что мы видимъ на ряду съ этимъ въ отвратительномъ и грубомъ шовинизмѣ нѣкоторыхъ слоевъ такъ отталкиваетъ, что оно мѣшаетъ образованію мужественнаго, благороднаго національнаго самосознанія.

И наконецъ,— такъ разсуждаютъ часто — почему собственно пролетаріатъ долженъ имѣть національное чувство? Съ горечью видитъ онъ ежедневно, что онъ не имѣетъ возможности пользоваться ни матеріальными, ни духовными благами націй. Намъ абсолютно безразлично—такъ можно часто слышать у насъ—умирать съ голоду по нѣмецки или по-чешски. И, на самомъ дѣлѣ, требовать отъ людей, которые борются ежедневно за самое необходимое въ жизни, еще и оцѣниваніе идеальныхъ благъ, значитъ, требовать отъ самыхъ низшихъ самое высшее. А національность въ ея высшей формѣ — идеальное благо. Въ высшей инстанціи она обозначаетъ человѣческую культуру въ особенной, въ высшей степени своеобразной и лишь одинъ разъ случающейся индивидуальной формѣ. Она обозначаетъ обогащеніе человѣчества особенной формой ея проявленія. Особенно же она сказывается въ языкѣ, который представляетъ первое и высшее благо каждой націи. Нѣмецкому пролетарію едва ли удается вполнѣ овладѣть имъ. Онъ такъ труденъ. «Нѣмецъ—ученый, если онъ понимаетъ свой нѣмецкій языкъ» (Гете). А чтобы проникнуть въ нѣмецкую литературу, въ это самое гордое зданіе германскаго народа, — для этого ему недостаетъ даже ключъ къ внѣшнимъ воротамъ. И такъ какъ матеріальные интересы опредѣляютъ нашу жизнь, то въ самомъ дѣлѣ казалось несправедливымъ требовать отъ рабочаго національное чувство. А не требовать его, вызываетъ съ другой стороны смѣшныя непослѣдовательности. Коллективизмъ воспитываетъ въ рабочемъ живое чувство справедливости. Онъ считаетъ самособой понятной необходимость вступиться за каждый притѣсненный народъ. Право чужой націи онъ признаетъ радостно и со всей готовностью, — а для своей собственной у него ничего не должно остаться? Если мы не требуемъ отъ тупой массы пониманія, переходящаго предѣлы ея ближайшихъ интересовъ, то отъ коллективистическаго рабочаго мы должны его требовать и на самомъ дѣлѣ требуемъ. Кто воспринялъ въ свою голову и въ свое сердце великую идею цѣли коллективизма, тотъ зрѣлъ и способенъ воспринять и другія великія идеи. Каждый теоретически образованный рабочій знаетъ, что коллективизмъ долженъ принести человѣчеству не только обезпеченное матеріальное существованіе. Онъ долженъ раньше всего создать послѣднее, но лишь какъ предшествующее условіе для болѣе высокой ступени культурнаго развитія. Не для того только мы желаемъ работать, чтобы люди по-человѣчески

жили, кормились и одѣвались. но и для того, чтобы они своимъ участіемъ въ тысячелѣтіями накопленной культурѣ вообще сдѣлались людьми, способными сами имѣть и создавать культуру. А всякая культура — національна. Она беретъ свое начало въ отдѣльномъ народѣ и представляетъ въ ея высшихъ формахъ — именно въ этихъ формахъ болѣе всего — рѣшительный національный характеръ. Даже если при этомъ она подверглась тысячнымъ вліяніямъ извнѣ. Чужое не воспринимается просто, въ неизмѣненномъ видѣ — если это случается то создается нѣчто безжизненное, ощущамое всегда, какъ чужое. преходящее — а преобразовывается, поглощается, дѣлается средствомъ для укрѣпленія національнаго организма.

Коллективизмъ и національная мысль не только не противорѣчивы, но они необходимо принадлежатъ другъ къ другу. Всякая попытка ослабить національную мысль должна, въ случаѣ успѣха, уменьшить богатство человѣческаго рода. Понятно, что опасность вырожденія всякаго націонализма очень близка. Но когда мы видимъ, что англійскіе коллективисты такъ энергично выступили и выступаютъ противъ своихъ «жинго» (шовинистовъ), французскіе — противъ своихъ націоналистовъ, италіянскіе — противъ своихъ ирредентистовъ, то и намъ нѣмцамъ нечего безпокоиться. Эти націи очень чувствительны на счетъ ихъ національной чести и все-же, какъ на нихъ подѣйствовалъ коллективизмъ Англійскіе, французскіе, итальянскіе коллективисты, никогда не переставая страстно любить свой народъ, въ то же время оказались способными исполнить и ихъ интернаціональную обязанность самымъ замѣчательнымъ образомъ. А мы, нѣмецкіе коллективисты, которые не забываемъ и навѣрное никогда не забудемъ космополитизма нашихъ классиковъ, мы одни въ опасности попасть въ шовинизмъ? Для насъ дѣло обстоитъ такъ: мы должны сознать самихъ себя, какъ это сдѣлали другіе народы. Коллективизмъ желаетъ организовать, а не атомизировать человѣчество, а въ организмѣ человѣчества не отдѣльные индивиды, а націи образуютъ клѣтки. А чтобы организмъ былъ здоровъ, необходимо, чтобы клѣтки были здоровы.

Естественно, что національныя различія обусловливаютъ и противорѣчивые національные интересы. Также естественно, что эти противорѣчія не уничтожаются интернаціональными декламаціями. Но они совершенно иначе регулируются между хотя и національно вполнѣ сознательными, но коллективистически мыслящими народами...

Если двое ссорятся, то дѣло совершенно иначе обстоитъ, хватаются ли они за орудіе, или же садятся за столъ для совмѣстнаго совѣщанія. И даже когда они садятся за столъ, все же еще громадная разница, имѣютъ ли они намѣреніе другъ друга обмануть, или же имѣютъ искреннее желаніе искать общее рѣшеніе спора во взаимномъ доброжелательствѣ.

Австрійскіе соціалъ-демократы создали для себя организацію, которая можетъ послужить образцомъ для всего интернаціональнаго движенія. Они образуютъ единство, но они раздѣлены по національностямъ. Существуютъ также національныя несогласія, которыя, принимая во вниманіе, что мы живемъ въ одномъ и томъ же государствѣ, выступаютъ наружу гораздо чаще и гораздо конкретнѣе, чѣмъ несогласія между государственно-раздѣленными націями. Послѣднія населяютъ обыкновенно рѣзко разграниченныя территоріи. Совершенно иначе дѣло обстоитъ у насъ въ Австріи. Здѣсь случается, что двѣ, даже три націи живутъ на одной и той же территоріи и поэтому плоскости тренія очень разнообразны. Это, понятно, не обязательное правило; но даже и тамъ, гдѣ въ пограничныхъ мѣстностяхъ двѣ національности сталкиваются, случаются между ними тяжкія національныя противорѣчія и ссоры. Австрійскіе соціалъ-демократы всегда еще умѣли въ подобныхъ случаяхъ привести къ сносному соглашенію. Но это значило бы насильственно закрывать глаза, если бы хотѣли не замѣчать очевидныхъ фактовъ. Австрійская соціалъ-демократія не можетъ разсматривать національный вопросъ, какъ нѣчто второстепенное...

Коллективизмъ можетъ спокойно признать важность національнаго вопроса. Точно такъ же какъ онъ долженъ быть и на самомъ дѣлѣ есть — интернаціоналенъ, такъ онъ долженъ сдѣлаться національнымъ. Наша итальянская партія въ южной Австріи имѣетъ въ своей средѣ сильную примѣсь національно-итальянскаго элемента, наша польская, словенская, малорусская, чешская партіи — всѣ онѣ хорошо національны, но и мы нѣмецкіе марксисты въ Австріи не только имѣемъ право, но должны признать себя хорошими нѣмцами. Этотъ національный патріотизмъ — единственный, который еще существуетъ въ Австріи. Для всѣхъ живущихъ въ Австріи націй Австрія не представляетъ объекта патріотизма, потому что она имъ всѣмъ измѣнила. Сама возможность будущей Австріи зависитъ отъ рѣшенія національнаго вопроса. Этотъ фактъ самъ по себѣ уже доказываетъ, какъ важенъ національный вопросъ, по отношенію къ которому коллективизмъ долженъ принять позитивное отношеніе. Онъ долженъ это сдѣлать еще и потому, что онъ съ полнымъ основаніемъ все болѣе и болѣе смотритъ на себя какъ на дѣйствительнаго представителя народа. . .

. . . . . .

Мы имѣемъ передъ собой три задачи: констатировать факты, изслѣдовать законы историческаго процесса и сдѣлаться слугами историческаго развитія.

Прежде всего, мы видимъ фактъ различныхъ націй. Онѣ — реальныя явленія, исторически созидавшіяся и только исторически понимаемыя. Ихъ нельзя объяснить, какъ, напримѣръ, форму нашего общественнаго строя, экономическими причинами: онѣ (націи) — формы проявленія человѣчества; ихъ основы надо искать въ извѣстныхъ расовыхъ смѣшеніяхъ, географическихъ и климатологическихъ

обстоятельствахъ и, наконецъ, въ общихъ историческихъ судьбахъ. Никакой народъ не исчезъ, если только онъ не былъ искорененъ насильственно, но онъ измѣнилъ свой видъ, воспринялъ новые элементы и такимъ образомъ гарантировалъ свое дальнѣйшее существованіе. Новыя націи появляются при яркомъ свѣтѣ исторіи. Лучше всего мы это наблюдаемъ на созидающемся народѣ янки, мы видѣли это на бурахъ. Тѣ — не англичане, а эти — не голландцы. Навѣрное когда нибудь въ южной Африкѣ, Австраліи и Южной Америкѣ появятся новыя націи, характеръ и культурное развитіе которыхъ будутъ существенно отличаться отъ европейскихъ народовъ, которые имъ дали языкъ. Если націи постоянно измѣняются въ извѣстномъ смыслѣ, если новыя націи появляются, то, навѣрное, можно сказать, что національность — постоянная форма (Dauerform) человѣческаго общества. Мы врождены въ эти формы и чѣмъ большее образованіе (вычеканиваніе нашей индивидуальности) мы пріобрѣтаемъ, тѣмъ болѣе мы становимся выраженіемъ нашей націи. Уже нашъ родной языкъ даетъ намъ національную основу. Съ полнымъ основаніемъ говорятъ о духѣ языковъ; чѣмъ выше духовное развитіе народа, чѣмъ большую и чѣмъ болѣе развитую культуру онъ требуетъ, тѣмъ болѣе послѣдняя дифференцирована отъ культуры другихъ народовъ. Чѣмъ выше каждая отдѣльная личность развивается, тѣмъ болѣе она представляетъ нѣчто особенное, тѣмъ болѣе она дѣлается индивидуальностью.

А коллективизмъ вѣдь, желаетъ болѣе высокаго развитія человѣчества. Вся сущность его именно въ томъ и состоитъ, чтобы подготовить возможность этого развитія. Онъ отказывается отъ желанія только превратить голодающихъ стадныхъ животныхъ въ сытыя. Онъ желаетъ создать свободнаго и самостоятельнаго человѣка. А такъ какъ человѣчество живетъ лишь въ національныхъ формахъ, то онъ естественно долженъ желать свободныя, самостоятельныя и самосознательныя націи. Коллективизмъ не гонится, какъ его враги утверждаютъ, за фантастическими образами, но стоитъ при всей высотѣ его цѣли на почвѣ трезвыхъ фактовъ. Именно онъ не гонится за утопіями. Онъ не бредитъ волапюкомъ и не удаляетъ существующихъ затрудненій благочестивыми пожеланіями.

Ясно, какъ Божій день, что вопросъ національностей заключаетъ въ себѣ затрудненія. Каждая нація желаетъ имѣть свое обиталище, (Heim), въ которомъ она является госпожей, какъ каждый человѣкъ желаетъ имѣть обиталище, принадлежащее исключительно ему. Но идея величія народа очень легко исчерпывается мечтами о внѣшнемъ могуществѣ. Такимъ образомъ національная проблема превращается въ головахъ буржуазныхъ политиковъ въ вопросъ силы. А у насъ, коллективистовъ, она дѣлается вопросомъ мирнаго соглашенія. Собственно говоря, интернаціональный соціализмъ еще не содержитъ въ себѣ установленныхъ общихъ принциповъ о главныхъ пунктахъ національной политики. Мы австрійцы уже нашли

твердую почву, благодаря нашей брюннской программѣ. Послѣдняя гласитъ: цѣлостность (Integrität) національной земли, защита меньшинства, автономное управленіе національныхъ дѣлъ. Тамъ гдѣ это будетъ честно гарантировано, установленіе національнаго мира не представитъ большихъ затрудненій. При этомъ, понятно, не надо быть чрезмѣрно сантиментальнымъ и полагать, что вообще существуетъ средство, въ наше время внутреннихъ переселеній, каждую отдѣльную душу спасти для націи. Хотя бо всякомъ случаѣ кажется, что какъ разъ эпоха усиленныхъ сношеній обострила чувствительность народностей. Еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ полагали, что міровыя сношенія сотрутъ національности. Случилось какъ разъ противоположное. Мы живемъ въ эпоху сильнаго національнаго чувства. Самая маленькая нація защищается. Мы въ Австріи получаемъ самые красивые и высокопоучительные наглядные уроки. Намъ, такъ сказать, національный вопросъ ежедневно обжигаетъ пальцы. Признанное наше положеніе въ Австріи существенно зависитъ также и отъ того, что мы не только рѣшили тяжкую проблему для нашей партіи, но и показываемъ государству, какъ оно можетъ ее рѣшить. Но мы пришли къ этому рѣшенію путемъ *безусловнаго* признанія націй и ихъ правъ.....

Все что я говорю, лишь тогда имѣетъ смыслъ, когда національность составляетъ и для пролетарія благо. И теперь дѣлообстоитъ по существу точно такъ же, какъ это рисуетъ Манифестъ Маркса: пролетарій не имѣетъ отечества. Но онъ желаетъ его пріобрѣсть. Организованное общество, въ которомъ онъ когда нибудь будетъ жить, будетъ для него и высокое матеріальное благо. Пролетарій уже и теперь имѣетъ національность. Но она для него не имѣетъ цѣнности, пока онъ не сознаетъ ее. Онъ ее сознаетъ по мѣрѣ пріобрѣтенія духовной культуры. Какъ искусство и наука, такъ и національность — высокое благо. Всякое возвышеніе пролетарія должно его приблизить къ пониманію цѣнности этихъ благъ.

Можетъ быть мнѣ скажутъ, что я здѣсь привелъ само собой понятныя вещи. Я былъ бы этому очень радъ. И если меня упрекнутъ, что я боролся противъ фантома, я охотно буду утѣшаться тѣмъ, что, слѣдовательно, нѣтъ нужды подвергнуть гдѣ нибудь ревизіи понятіе интернаціонализма.

* * *

На вопросъ, можно ли примирить патріотизмъ и интернаціонализмъ получились различные отвѣты.

Эдуардъ Вальянъ (депутатъ французскаго парламента). Я не вижу никакого противорѣчія между *отечествомъ и интернаціоналомъ*, т. е. между патріотизмомъ и интернаціонализмомъ при условіи, однако, если ихъ опредѣляютъ и разсматриваютъ съ коллективистской точки зрѣнія. Совершенно иначе было бы, если бы я разсматривалъ эти понятія, какъ они толкуются не только національ-

стами или какой-нибудь другой буржуазной партіей, но также анархистами и толстовцами.

Съ моей точки зрѣнія, нація, какъ она опредѣляется своимъ образованіемъ formation и своей исторіей, представляетъ необходимый элементъ человѣческаго прогресса. Ея организмъ, или ея физическая точно также какъ и ея интеллектуальная и моральная личность, не можетъ подвергнуться удару безъ того чтобы весь человѣческій прогрессъ не былъ затронутъ тѣмъ же ударомъ. Желательно, чтобы нація, благодаря своей внѣшней независимости и своей внутренней свободѣ, развивала наилучшимъ образомъ всѣ свои способности и энергіи не съ цѣлью подчиненія или уменьшенія другихъ націй посредствомъ войнъ и боевыхъ пошлинъ, но чтобы урегулировать свои политическія и экономическія отношенія съ ними къ общей выгодѣ ихъ производства и ихъ развитія... Нація и ея органическое единство—интернаціоналъ представляютъ два необходимыхъ момента одного и того же развитія.

Я абсолютно не могу понять, какъ коллективистъ можетъ безъ самообмана (sans illusions) отдѣлить ихъ другъ отъ друга, или оставаться равнодушнымъ къ обоимъ и, какъ дальнѣйшее слѣдствіе, не сочувствовать одной и той же горячей симпатіей надеждамъ и страданіямъ каждой изъ націй, пролетаріатамъ, которые въ нихъ страдаютъ и борются за тотъ же прогрессъ, и освобожденіе всего человѣчества. Нельзя вовсе удивляться, что многочисленныя связи (liens) наслѣдства, рожденія и жизни прикрѣпляютъ человѣка болѣе интимно къ той націи, часть которой онъ составляетъ, развѣ лишь онъ отъ нея отдѣлался, или даже сталъ ей чуждъ, благодаря страданіямъ въ борьбѣ за существованіе.

* * *

Августъ *Бебель* далъ слѣдующій отвѣтъ:

1) Что мы понимаемъ подъ патріотизмомъ?

Всякій народъ, который имѣетъ свой собственный языкъ, свои собственные нравы, свою собственную цивилизацію и свою исторію, имѣетъ право развиваться, какъ органическое цѣлое, и самоуправляться. Патріотъ—тотъ человѣкъ, который старается гарантировать народу, къ которому онъ принадлежитъ по своему рожденію, языку и по своимъ нравамъ, наивысшую цивилизацію въ интересѣ всѣхъ, безъ того чтобы вредить, или наносить ущербъ какому либо другому народу. Если онъ преслѣдуетъ эту цѣль, не заботясь о личныхъ выгодахъ и безъ того чтобы услуживать управляющимъ классамъ, но въ интересѣ всѣхъ, не исключая никого, онъ осуществляетъ наивысшій идеалъ, который человѣкъ можетъ себѣ поставить.

2) Но что мы понимаемъ подъ интернаціонализмомъ? Не уничтоженіе національности, не насильственное сліяніе народовъ, но поддержаніе (maintien) и прогрессъ мирныхъ отношеній цивилизаціи между народами.

Наряду съ національной цивилизаціей народа существуетъ интернаціональная цивилизація, въ которой участвуетъ каждый народъ, сообразно съ своимъ нормальнымъ и интеллектуальнымъ развитіемъ. Наши дѣловыя сношенія, наша научная, артистическая и литературная дѣятельность, обмѣнъ открытій и изобрѣтеній—суть главныя характеристики этого интернаціональнаго напряженія.

Интернаціонализмъ старается сдѣлать эти отношенія все болѣе и болѣе интимными посредствомъ заключенія торговыхъ договоровъ, морскихъ конвенцій, союзныхъ трактатовъ, посредствомъ обмѣна всѣхъ источниковъ цивилизаціи, посредствомъ международныхъ законовъ о защитѣ рабочихъ, посредствомъ развитія интернаціональнаго права, посредствомъ уравненія правъ и обязанностей иностранцевъ и собственныхъ гражданъ, при помощи прогресса гуманитарныхъ усилій у всѣхъ народовъ, посредствомъ улаживанія споровъ между націями международнымъ ареопагомъ....

Вѣнцомъ этой международной работы (action) явится всемірный парламентъ, образованный изъ представителей всѣхъ цивилизованныхъ націй, который долженъ будетъ регулировать международныя отношенія и сдѣлать ихъ болѣе и болѣе прочными.

И такъ, патріотизмъ и интернаціонализмъ не противорѣчатъ другъ—другу, но взаимно дополняются на благо все болѣе совершенной цивилизаціи...

Каждый народъ, каждая часть народа должна сама опредѣлять свою участь. Но вообще случается, что части (fractions) одного народа остаются какъ чужія тѣла въ средѣ (conquérente) націи-завоевательницы... Энергичный народъ, испытавшій посягательство на свой языкъ, на свою цивилизацію и, слѣдовательно, также на свои матеріальные интересы, будетъ всегда стараться добиться своей національной независимости, потому что только она гарантируетъ самобытность его цивилизаціи. Исключенія въ родѣ республиканской и демократической Швейцаріи, гдѣ нѣмцы, французы и итальянцы живутъ другъ около друга въ мирѣ, просто подтверждаетъ правило. Потому что въ Швейцаріи никакая нація не управляется и не притѣсняется другой. Наоборотъ, въ Австріи съ полуабсолютистскимъ режимомъ всѣ національности борются другъ противъ друга, потому что одна желаетъ господствовать надъ другой, а реакціонное правительство существуетъ только благодаря борьбѣ національностей...

Несомнѣнно, что отъ независимости страны зависитъ нормальное развитіе коллективизма. Пока народъ притѣсненъ, до тѣхъ поръ классовыя противорѣчія и классовая борьба не могутъ получить вполнѣ ясное выраженіе.

* * *

Энрико Ферри (знаменитый ученый, депутатъ парламента и шефъ итальянскаго рабочаго движенія).

....И такъ какъ намъ позволено—какъ выражается Леопарди—говорить о насъ, потому что мы лучше всего познаемъ самихъ себя

и въ виду того также, что, согласно новѣйшей морали, наши добродѣтели и наши недостатки не зависятъ отъ нашей воли—вотъ что я знаю о самомъ себѣ съ этой точки зрѣнія.

Я люблю мою собственную индивидуальность и всегда съ полнымъ убѣжденіемъ исполняю правила тѣлесной, интеллектуальной и моральной гигіены: я ихъ примѣняю ежедневно и они мнѣ даютъ непоколебимое здоровье... При этой любви и заботливости къ моей персонѣ я могу исполнить дѣйствительно громадную сумму труда, какъ человѣкъ науки, народный пропагандистъ, депутатъ въ парламентѣ, директоръ журнала, адвокатъ, зарабатывающій своимъ ремесломъ на жизнь, редакторъ достаточно боевой газеты, профессоръ въ университетѣ...

Въ то же время я забочусь о моей семьѣ, которой мой трудъ гарантируетъ нормальное и счастливое существованіе среди бурь моей политической жизни, въ атмосферѣ насыщенной моральной и политической солидарностью. Внѣ моей семьи я люблю село, въ которомъ я родился, которое напоминаетъ мнѣ мою мать—живую еще въ біеніи моего сердца—хорошіе и счастливые годы моего дѣтства... впрочемъ, какъ и годы моей молодости и моего настоящаго возраста.

Кромѣ моей семьи, я люблю мою провинцію (Мантуя) и мой край (Ломбардія), гдѣ я нахожу, болѣе чѣмъ въ остальной Италіи, большее сходство съ моими вкусами, съ моимъ образомъ мышленія, дѣйствованія и жизни. Но я также люблю мое большое отечество—Италію. И всѣ бури, и всѣ непріятности, которыя я пережилъ и съ легкостью переживаю имѣютъ своей причиной только эту патріотическую любовь: я желалъ бы видѣть своихъ соотечественниковъ болѣе счастливыми и столь же великими, какъ нашихъ предковъ римской республики или же эпохи Возрожденія.

И все это мнѣ не мѣшаетъ быть горячимъ и боевымъ коллективистомъ, т. е. гуманитарнымъ человѣкомъ, который видитъ въ войнѣ бичъ варварскихъ переживаній, а въ прогрессѣ мира—единственную гарантію всякаго индивидуальнаго, національнаго и интернаціональнаго счастья.

Слѣдовательно, полагать, что любовь къ человѣчеству обозначаетъ смерть или атрофію патріотизма, значило бы не понимать, что въ человѣческомъ сердцѣ имѣется мѣсто для всѣхъ альтруистическихъ чувствъ, которыя простираются, какъ морскія волны, отъ нашей личности до нашей семьи, затѣмъ до нашей общины, до нашей націи и, наконецъ, до человѣчества.....

Я, слѣдовательно, думаю, что патріотизмъ и интернаціонализмъ —вполнѣ примиримы и должны даже сосуществовать въ душѣ каждаго сознательнаго современнаго человѣка. Точно также какъ излишекъ альтруизма былъ бы вреденъ, потому что преувеличенный альтруизмъ, не заботящійся о личности и о здоровьи, только укорачиваетъ жизнь или-же дѣлаетъ ее безполезной, благодаря истощенію черезъ переутомленіе, подобнымъ же образомъ излишекъ абсолютнаго

интернаціонализма, который отрицалъ бы всякую любовь къ отечеству, былъ бы вреденъ, потому что онъ помѣшалъ бы народностямъ развиваться сообразно съ ихъ національнымъ геніемъ, который очень полезенъ въ своихъ разнообразіяхъ для многограннаго прогресса человѣчества.

По отношенію къ народамъ, какъ и по отношенію къ индивидуумамъ коллективизмъ желаетъ реализовать мысль Гете: Пусть каждый сдѣлается тѣмъ, чѣмъ онъ есть.

* * *

Карлъ Каутскій.

.....Первый вопросъ—возможно ли сосуществованіе патріотизма и интернаціонализма—совсѣмъ не простъ. Онъ тѣсно связанъ съ нашимъ пониманіемъ патріотизма. Но патріотизмъ продуктъ не природы, а общества. Отечество измѣняется вмѣстѣ съ соціальными условіями и даже внутри даннаго общества роль, которую играетъ отечество, различна для каждаго отдѣльнаго класса и его патріотизмъ, слѣдовательно, тоже различенъ.

Ссылаются на извѣстный манифестъ, но положеніе, занятое въ свое время Марксомъ и Энгельсомъ, по отношенію къ вопросамъ національности показываетъ, насколько проблема патріотизма сложна: это положеніе было на первый взглядъ противорѣчиво.

Они энергично поддерживали національныя возстанія въ Италіи, Венгріи, Польшѣ, равно какъ и германскія—до такой степени, что ихъ можно было принять за германскихъ патріотовъ, если бы въ 1870 году они не были бы на сторонѣ французской республики противъ имперской Германіи и если бы они не боролись крайне энергично противъ отдѣленія Эльзаса-Лотарингіи отъ Франціи... Но если они такъ рѣшительно заступались за эти націи, то съ другой стороны они относились недовѣрчиво, даже враждебно, къ маленькимъ народностямъ Австріи и Турціи*).

Это кажется совершенно противорѣчивымъ, если придерживаться буржуазнаго пониманія національности и патріотизма; противорѣчія исчезаютъ, если разсматривать факты съ точки зрѣнія борьбы пролетаріата за свое освобожденіе. Не разъ было сказано, что пролетаріатъ не сможетъ освободиться, если онъ останется послѣднимъ изъ классовъ, если онъ не положитъ конца всѣмъ видамъ притѣсненія и эксплоатаціи,—слѣдовательно, также и національной тиранніи.

Пролетаріи притѣсненной, эксплоатированной или просто угрожаемой въ ея независимости націи должны бороться противъ этого притѣсненія, какъ и противъ всякаго другого. Но, съ другой стороны, пролетаріи націи, которая притѣсняетъ, эксплоатируетъ или

*) Авторъ имѣетъ здѣсь въ виду чеховъ, руссиновъ въ Австріи, сербовъ и болгаръ въ Турціи. Несмотря на антипатію Маркса, Болгарія и Сербія уже окончательно освободились.

Переводчикъ.

угрожаетъ своимъ сосѣдямъ, не имѣютъ ни малѣйшаго интереса въ сохраненіи этого положенія дѣлъ, которое приноситъ пользу только правящимъ классамъ ихъ націи, тѣмъ классамъ, которые притѣсняютъ и эксплоатируютъ ихъ самихъ. Наоборотъ, пролетаріи порабощенной націи являются ихъ естественными союзниками. Національныя противорѣчія, слѣдовательно, не должны находить отклика въ пролетаріатѣ. Они ему чужды, если только онъ достигъ своей интеллектуальной и политической зрѣлости. Дошедши до этой ступени развитія, онъ не имѣетъ агрессивнаго патріотизма, онъ не думаетъ объ увеличеніи своего собственнаго отечества, своей собственной націи на счетъ другихъ.

Но это лишь одна сторона—не самая характерная—пролетарскаго патріотизма. Другіе классы, совсѣмъ не эксплоатируемые, могутъ имѣть подобный же патріотизмъ—мирный и толерантный, какъ это доказывается мелкобуржуазнымъ радикализмомъ.

Но борьба пролетаріата за свое освобожденіе не есть только борьба противъ всякаго притѣсненія и противъ всѣхъ формъ эксплоатаціи, она представляетъ также борьбу за установленіе новой формы производства, новой общественной формы, которая одна лишь приведетъ къ исчезновенію всѣхъ формъ притѣсненія и эксплоатаціи. Этому новому обществу соотвѣтствуетъ новая мораль.

Буржуазное производство свойственно независимымъ производителямъ, которые вполнѣ свободно конкурируютъ между собой. Это приводитъ къ моральному идеалу либерализма и анархизма, къ полной свободѣ индивидуума, желающаго жить вполнѣ по душѣ своей. Либерализмъ отличается отъ анархизма только тѣмъ, что онъ приспособляетъ свою мораль къ нуждамъ капиталистическаго производства, которое вслѣдствіе своихъ соціальныхъ и національныхъ противорѣчій дѣлаетъ необходимымъ организацію сильнаго государства, въ то время какъ анархизмъ-антикапиталистиченъ: это его принуждаетъ, несмотря на его новаторскую фразеологію, искать свой идеалъ въ мелкомъ производствѣ мелкой буржуазіи и мелкаго крестьянства. Анархія—это—либерализмъ для всѣхъ. Либерализмъ это—анархія для господствующихъ классовъ и ихъ паразитовъ.

Но восторжествовать надъ капиталистическимъ производствомъ можно не посредствомъ возвращенія къ примитивнымъ формамъ производства, а лишь пользуясь техническими завоеваніями частно-капиталистическаго производства для всего общества, т. е. путемъ соціальнаго производства выработаннаго обществомъ для общества. Вотъ идеалъ, которымъ пролетаріатъ замѣщаетъ капиталистическую форму производства, какъ только онъ (пролетаріатъ) освободился умственно и политически отъ либерализма и анархіи. Личность для него болѣе не имѣетъ значенія сама по себѣ, но лишь какъ средство для достиженія цѣли; эта цѣль—не другая индивидуальность, а общество, коллективность, которой индивидуумъ долженъ служить.

Не абсолютное развитіе личности, а принесеніе себя въ полный подарокъ обществу—вотъ что будетъ категорическимъ императивомъ новой морали, но этотъ категорическій императивъ беретъ свое начало не въ мистическомъ мірѣ «an und für sich» —подобно принципу Канта,—а въ очень реальномъ мірѣ вещей «для насъ», въ мірѣ производства. Пролетарій видитъ свое счастье не въ величіи и могуществѣ своей собственной индивидуальности, а въ величіи и могуществѣ организаціи, къ которой онъ принадлежитъ.

Это не уничтожаетъ свободнаго развитія индивидуальности; напротивъ, оно перестаетъ быть, какъ теперь, привилегіей нѣсколькихъ «сверхъ-человѣковъ», а дѣлается достояніемъ всѣхъ. Ибо только соціальное производство, которое сдѣлаетъ изъ индивидуума простой винтъ (rovage) большого механизма, дастъ всѣмъ и каждому достаточный досугъ для того, чтобы всякій, исполнивъ свою долю работы, могъ свободно жить и развиваться.

Но это въ скобкахъ, чтобы успокоить пугливыхъ поклонниковъ личности.

Спаять въ громадномъ производительномъ механизмѣ всѣ индивидуальности, представляющія изъ себя лишь его составныя части— вотъ задача освободительной борьбы пролетаріата; это же составляетъ уже и теперь самое важное изъ его средствъ борьбы. Именно благодаря развитію его организаціи, онъ можетъ шествовать побѣдоносно впередъ; но организація есть не что иное какъ подчиненіе индивида коллективности, ограниченіе его свободы. Наши противники сильно протестуютъ противъ тиранніи соціалъ-демократіи и синдикатовъ, но они забываютъ, что «свободная индивидуальность»— роскошь, которую кромѣ самаго несчастнаго пролетаріата да цыганъ—только богачи изъ богачей могутъ себѣ позволить, что вопросъ вовсе не въ томъ, должна ли организація или свободная индивидуальность господствовать надъ производствомъ и надъ обществомъ, а о томъ, долженъ ли капиталистическій режимъ продолжать существовать на пользу нѣсколькихъ, или же коллективистическій режимъ долженъ быть установленъ на пользу всего общества.

Но большинство читателей спроситъ, какое значеніе имѣютъ всѣ эти разсужденія? Вѣдь рѣчь идетъ о патріотизмѣ, а не о морали. Совершенно вѣрно; оба явленія тѣсно связаны между собой; разница между буржуазнымъ и пролетарскимъ патріотизмомъ скорѣе можетъ быть понята послѣ того, какъ будетъ понято, что отдѣляетъ буржуазную мораль отъ пролетарской.

Согласно буржуазному мышленію, индивидуальность на первомъ планѣ. Общество существуетъ исключительно для того, чтобы не дать индивидуальностямъ мѣшать (empiéter) другъ другу: только этимъ оно должно заниматься. Декларація Правъ Человѣка гласила: «осуществленію естественныхъ правъ отдѣльнаго человѣка полагается предѣлъ только необходимостью обезпечить за другими членами общества пользованіе тѣми же правами».

Но подъ индивидуальностью буржуа понимаетъ не только то, что онъ есть, - это такъ незначительно, что никто объ этомъ не думаетъ,—но и то чѣмъ онъ владѣетъ, а въ этомъ отношеніи никто такъ сильно ему не угрожаетъ, какъ тѣ, которые ничѣмъ не владѣютъ....

Но пролетаріи желаютъ уничтожить частную собственность, чтобы сдѣлать изъ нея общее благо для всѣхъ; они желаютъ, чтобы государство изъ органа власти и эксплоатаціи, сдѣлалось органомъ соціальнаго производства. Слѣдовательно, пролетаріи еще не имѣютъ отечества; они желаютъ его завоевать, расширить его, сдѣлавъ его,— т. е. его богатства—доступными для всѣхъ членовъ націи; они желаютъ освободить его отъ господства всѣхъ притѣснителей и эксплоататоровъ—національныхъ и иностранныхъ. Въ этомъ смыслѣ они патріоты и живо заинтересованы въ преуспѣяніи и независимости отечества.

Но общественный организмъ соціальнаго производства, который они желаютъ создать, не можетъ ограничиваться націей, страной. Форма капиталистическаго производства создала міровой рынокъ: если прежде націи обмѣнивались только своимъ излишкомъ, если раньше всякая нація производила почти все, что ей было необходимо,—теперь интернаціональная торговля сдѣлалась жизненнымъ условіемъ для всѣхъ капиталистическихъ націй; никакая изъ нихъ не можетъ изолироваться. Исчезновеніе мелкаго производства необходимо ведетъ къ соціальной регламентаціи всей массы интернаціональнаго производства, къ организаціи общественнаго производства, которая обнимаетъ міровой рынокъ; такимъ образомъ коллективностью, которой долженъ служить индивидуумъ, является не отечество или нація, а Человѣчество.

Это—не утопическое представленіе о будущемъ; это уже практически реализовано пролетарской борьбой классовъ, дѣлающейся все болѣе и болѣе интернаціональной.

Даже буржуазный міръ долженъ признать извѣстный видъ интернаціонализма, какъ слѣдствіе отношеній между націями. Но этотъ интернаціонализмъ есть лишь перенесеніе и примѣненіе къ отношеніямъ между націями тѣхъ принциповъ, которыми регулируются согласно буржуазной морали, отношенія между индивидуумами. Капиталистическая мораль признаетъ за каждой страной и за каждымъ индивидомъ право расширять свою собственность и свою власть за чужой счетъ, насколько это ему позволяетъ его могущество. Мелкобуржуазный радикализмъ или анархія—менѣе цинични. Они требуютъ для націй какъ и для индивидовъ полной свободы дѣйствія (laisser faire, laisser passer); какъ индивиды, такъ и націи должны находить ограниченіе своихъ правъ только въ правахъ другихъ націй.

Этотъ интернаціонализмъ, который позволяетъ всякой націи дѣлать все, что ей угодно, поскольку она не мѣшаетъ другимъ, силь-

но отличается отъ пролетарскаго интернаціонализма, который желаетъ привести національности, какъ и индивидовъ, къ общимъ, согласованнымъ дѣйствіямъ, который, согласно этому идеалу, уже отнынѣ объединяетъ всѣ пролетарскія организаціи различныхъ націй для общаго дѣла. . . . . .

Принимаемъ ли мы во вниманіе конечную цѣль коллективизма, или освободительное движеніе, или же обѣ вещи одновременно — отечество и индивидуумъ не составляютъ болѣе центра, вокругъ котораго движется наша мысль и наша политическая и соціальная дѣятельность. Осуществленіе коллективизма должно будетъ, очевидно, дать массѣ индивидуумовъ большую свободу, сдѣлать различныя націи болѣе богатыми и болѣе обезпеченными, чѣмъ это дѣлала какая либо общественная организація до сихъ поръ... Но индивидуумъ, какъ и нація должны всегда быть подчинены освободительной борьбѣ интернаціональнаго пролетаріата и когда ихъ частные интересы сталкиваются съ требованіями этой борьбы,—индивидуальный или національный интересъ, какъ всякій другой частный интересъ, напримѣръ интересъ корпораціи или профессіи—долженъ отойти на второй планъ.

Націоналистъ съ капиталистической психологіей можетъ заявить: right or wrong, my contry—права ли моя родина, или нѣтъ, но я за нее; коллективистъ долженъ имѣть достаточно ума и чувства, чтобы даже тамъ, гдѣ интересъ его націи противорѣчитъ освобожденію пролетаріата, понять это и дѣйствовать согласно съ этимъ пониманіемъ. Вотъ чѣмъ можно объяснить враждебное отношеніе Маркса и Энгельса къ національнымъ стремленіямъ славянъ Австріи (за исключеніемъ поляковъ) и Турціи, пока они предполагали, что ими воспользуется самый страшный врагъ освобожденія пролетаріата —абсолютизмъ; такъ же точно надо объяснить ихъ рѣшеніе,— какъ и рѣшеніе всей германской соціалдемократіи—противиться націонализму ихъ собственнаго народа во время франко-прусской войны, полезной только Гогенцоллернамъ и вредной для демократіи Германіи и Франціи.

Вотъ нѣсколько словъ на счетъ перваго вопроса, объ отношеніяхъ между отечествомъ и интернаціонализмомъ.

*
* *

Георгій Плехановъ.

. . . . Нѣкоторые считаютъ, что въ извѣстномъ пассажѣ манифеста гораздо меньше выражается истинное мнѣніе Маркса и Энгельса объ отношеніяхъ между коллективизмомъ и патріотизмомъ, чѣмъ ихъ возмущеніе по поводу тяжелой доли рабочихъ въ капиталистическомъ обществѣ. Такъ, напримѣръ, Жоресъ, въ своей дискуссіи съ Эрве, считаетъ его (мнѣніе, выраженное Марксомъ и Энгельсомъ въ цитированномъ мѣстѣ ихъ манифеста) «пессимистической фразой (boulade), объясняющейся отчасти — замѣтьте хорошенько, отчасти

— моментомъ, когда Марксъ и Энгельсъ писали и когда экономическій кризисъ былъ въ своемъ апогеѣ, а рабочіе были лишены самыхъ элементарныхъ правъ человѣка». Таково приблизительно и мнѣніе Бернштейна. Для него интересующій насъ «тезисъ» можетъ быть оправданъ тѣмъ, что когда Марксъ и Энгельсъ писали свой знаменитый манифестъ «рабочіе были повсюду лишены свободы слова, т. е. всякаго права участвовать въ управленіи».

Я не согласенъ ни съ Жоресомъ, ни съ Бернштейномъ. Если бы они были правы, это значило бы, что теперь, когда во всѣхъ странахъ съ развитымъ капитализмомъ пролетаріатъ пользуется уже большею частью тѣхъ политическихъ правъ, которыхъ онъ не имѣлъ наканунѣ революціоннаго движенія 1848 года..... — предѣлы коллективистскаго интернаціонализма съузились въ пользу патріотизма. Но это означало бы, что *интернаціонализмъ долженъ тѣмъ болѣе уменьшаться, чѣмъ болѣе выступаетъ наружу успѣхъ интернаціональной рабочей партіи.*

Мнѣ кажется, что вѣрно обратное, что интернаціонализмъ гораздо болѣе проникъ теперь въ сердца рабочихъ чѣмъ въ эпоху появленія манифеста Маркса и Энгельса. Ихъ тезисъ нуждается не въ оправданіи, а въ правильномъ истолкованіи.

Слова: «рабочіе не имѣютъ отечества» были написаны въ отвѣтъ буржуазнымъ идеологамъ, обвинявшимъ коммунистовъ въ желаніи «уничтожить отечество». Понятно, что для авторовъ манифеста рѣчь шла объ *отечествѣ*, понятомъ въ совершенно опредѣленномъ смыслѣ, а именно, въ смыслѣ данномъ ему буржуазными идеологами.

Манифестъ заявляетъ, что рабочіе не имѣютъ *подобнаго отечества.*

Это было вѣрно тогда; это остается вѣрнымъ и теперь, когда рабочіе передовыхъ странъ пользуются болѣе или менѣе широкими политическими правами, и останется вѣрнымъ и для будущаго времени, какъ бы ни были велики будущія политическія завоеванія рабочаго класса.

Припомните слова Жореса, произнесенныя имъ въ залѣ Элизе Монмартръ относительно патріотизма этого счастливаго будущаго, когда коммунизмъ восторжествуетъ. Тогда «отечество» будетъ продолжать жить, какъ скопленіе оригинальныхъ геніевъ, какъ представительница оригинальныхъ чертъ, присущихъ различнымъ народамъ. «Подобно тому какъ индивидуальности съ ихъ характерными чертами, съ ихъ разнообразіемъ не растворятся въ коллективистской организаціи, но будутъ продолжать и укрѣплять въ ней оригинальность своей природы подъ болѣе гармоничными формами, точно такъ же историческія индивидуальности, называемыя отечествами: англійское, французское, германское, итальянское, русское отечество, а завтра китайское отечество, когда желтое человѣчество освободится отъ

опекунства бѣлыхъ — всѣ эти отечества съ ихъ моральной индивидуальностью, созданной исторіей, съ ихъ языкомъ, литературой, жизненнымъ чутьемъ, съ ихъ воспоминаніями, съ присущей имъ формой надеждъ, съ присущимъ имъ видомъ ихъ страстей, души, генія, — всѣ эти индивидуальности составятъ огромное коммунистическое человѣчество завтрашняго дня».

Можетъ быть, въ этой тирадѣ можно было бы найти извѣстный недостатокъ логики: *индивидъ — біологическая категорія, въ то время какъ національность — историческая категорія.* Мимоходомъ будь сказано, эти два понятія—несоизмѣримы. Но вотъ что для меня важно: *отечество* будущаго, какъ намъ его обрисовалъ Жоресъ, не имѣетъ ничего общаго съ *отечествомъ*, о которомъ говорили буржуазные идеологи и которымъ отвѣчали Марксъ и Энгельсъ.

Многочисленныя и разноцвѣтныя *отечества* будущаго же суть не что иное для Жореса, какъ *національности.*

Если бы авторы коммунистическаго манифеста сказали, что рабочіе не имѣютъ національности, это было бы не крѣпкое словцо, а смѣшная безсмыслица. Но они говорили не о національностяхъ, а объ отечествѣ. При этомъ не объ отечествѣ въ счастливомъ будущемъ, а объ отечествѣ, какъ оно теперь существуетъ подъ гнетущимъ вліяніемъ капиталистической формы производства.

Это отечество представляетъ очень мало общихъ характерныхъ чертъ съ *отечествомъ*, о которомъ говорилъ Жоресъ со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ. Каковы эти характерные черты? Жоресъ ихъ самъ указалъ. По его мнѣнію, послѣ окончательной революціи отечества перестанутъ существовать, какъ силы недовѣрія, исключительности и взаимнаго притѣсненія. Онъ, слѣдовательно, самъ допускаетъ, что теперь, подъ капиталистическимъ режимомъ, отечества представляютъ не только выраженіе оригинальнаго генія различныхъ народовъ, но также — и въ особенности — выраженіе національной исключительности, взаимнаго недовѣрія между народами и угнетенія одного народа другимъ. Каково должно быть поведеніе сознательнаго пролетаріата по отношенію къ этому *буржуазному отечеству*? Манифестъ заявляетъ, что такой пролетаріатъ не имѣетъ такого отечества. Развѣ это невѣрно?

Этотъ отвѣтъ не только не есть простой крикъ пессимизма, не только не нуждается въ оправданіи, но долженъ быть положенъ въ основу интернаціональной политики коллективистическаго пролетаріата...

Жоресъ продолжаетъ: «Вотъ отвѣтъ тѣмъ, которые говорятъ рабочему классу, что онъ можетъ не интересоваться дѣлами отечества и всей національной традиціи». Снова удивленіе! Марксъ и Энгельсъ никогда не говорили рабочимъ, что они могутъ не интересоваться дѣлами отечества. Но интересоваться ими не означаетъ еще что нужно быть патріотомъ. Политическое могущество, классовая дикта-

тура, безъ всякаго сомнѣнія,—вещи, имѣющія отношеніе къ «отечеству», а между тѣмъ Марксъ и Энгельсъ всегда указывали рабочимъ на необходимость ихъ завоеваній.

Жоресъ ошибается думая, что отрицательное отношеніе къ идеѣ отечества связано съ индифферентностью къ моральнымъ и интеллектуальнымъ пріобрѣтеніямъ народа...

Несмотря на все его краснорѣчіе, Жоресу удалось сдѣлать свой тезисъ нѣсколько вѣроятнымъ только потому, что онъ вмѣсто отечества, какъ оно *есть*, подставилъ отечество, какъ оно, по его мнѣнію, *должно было бы быть* и какъ оно *будетъ*. Такимъ путемъ можно все доказать. Но это не есть разрѣшеніе вопроса. Я повторяю: отечество — *историческая категорія*, т. е. развивающаяся въ своей сущности.

Какъ идея племени уступила мѣсто идеѣ отечества, сначала ограниченнаго предѣлами городской общины (cité), затѣмъ расширившейся до предѣловъ національностей настоящаго времени, точно также идея *отечества* должна уступить мѣсто болѣе обширной идеѣ — *человѣчества*. Та же сила, которая дала возможность патріотической идеѣ развиться, намъ гарантируетъ и дальнѣйшую эволюцію: «*сила экономическаго развитія*».

Идея отечества — я подразумѣваю отечество, какъ оно есть —объединяетъ людей одной страны самыми тѣсными узами во всемъ, что касается интересовъ этой страны, поскольку они идутъ въ разрѣзъ съ интересами другихъ странъ. Герой одного изъ романовъ нашего Тургенева, болгаринъ Инсаровъ, говоритъ: Въ Болгаріи послѣдній мужикъ, послѣдній нищій и я, — мы желаемъ одного и того же; у всѣхъ -одна и та же цѣль»; эта цѣль — достиженіе національной независимости. Эта цѣль заслуживаетъ --- это очевидно, — всѣ симпатіи класса, борющагося за «эмансипацію всѣхъ воль». Но не надо терять изъ виду, что турецкіе патріоты съ ихъ стороны должны были не менѣе единодушно и забывая всѣ классовыя различія стремиться къ противоположной цѣли: къ поддержанію турецкаго владычества (suprématie) въ Болгаріи. Во время возстанія Крита въ 1897 году, младо-турки, издававшіе тогда органъ «Османлій», писали, что Критъ принадлежитъ Турціи по праву завоеванія. Это было въ его чистой и несофистичной формѣ — *патріотическое сужденіе*.

Эта манера мышленія возможна только при двухъ условіяхъ.

Она предполагаетъ, во-первыхъ, неразвитое состояніе борьбы классовъ, а во-вторыхъ, отсутствіе большого, бросающагося въ глаза сходства въ положеніи угнетенныхъ классовъ двухъ или нѣсколькихъ «сосѣднихъ» отечествъ. Гдѣ борьба классовъ принимаетъ острый характеръ, расшатывая старыя, унаслѣдованныя отъ прежнихъ поколѣній понятія, и гдѣ, кромѣ того, угнетенный классъ легко можетъ убѣдиться въ томъ, что его интересы очень сходны съ инте-

ресами угнетеннаго класса чужихъ странъ и противоположны интересамъ господствующаго класса его собственной страны, тамъ *идея отечества* въ весьма значительной степени утрачиваетъ свое прежнее обаяніе. Это намъ показываетъ уже древняя Греція, гдѣ нищіе классы гражданъ чувствовали себя болѣе солидарными съ низшими классами гражданъ другихъ государствъ, чѣмъ съ высшими классами своего государства—города. Пелопонесская война, эта война между аристократіей и демократіей, охватившая большую часть тогдашняго греческаго міра, можетъ служить этому яркимъ подтвержденіемъ. Въ новое время нѣчто подобное видимъ мы, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, въ нѣкоторыхъ международныхъ столкновеніяхъ, вызванныхъ великой французской революціей конца XVIII вѣка. На эти явленія необходимо долженъ обратить вниманіе всякій кто хочетъ серьезно выяснить себѣ историческое значеніе патріотической идеи. Но какъ ни важны эти явленія, они представляются незначительными въ сравненіи съ тѣми, что мы видимъ въ современномъ освободительномъ движеніи пролетаріата.

Капитализмъ, который, по самому характеру своему долженъ стремиться выйти за предѣлы всякаго даннаго «отечества» и проникнуть въ каждую страну, захватываемую международнымъ обмѣномъ, служитъ могучимъ экономическимъ факторомъ, расшатывающимъ и разлагающимъ ту самую идею отечества, которая—*въ своемъ новѣйшемъ видѣ*—имъ же вызвана была нѣкогда къ жизни. Отношенія между эксплоататорами и эксплоатируемыми, — несмотря на многочисленныя и часто очень важныя мѣстныя различія—по своему *существу* одинаковы во всѣхъ капиталистическихъ странахъ. Поэтому, сознательный *пролетарій* всякой данной капиталистической страны чувствуетъ себя несравненно ближе къ пролетарію всякой другой капиталистической страны, чѣмъ къ своему соотечественнику—капиталисту.

.....Чѣмъ шире дѣлается могучая рѣка современнаго рабочаго движенія, тѣмъ дальше отступаетъ психологія *патріотизма* передъ психологіей *интернаціонализма*. До тѣхъ поръ, пока классовая борьба еще не расшатала въ Греціи патріотизма городскихъ общинъ, аѳинскій гражданинъ видѣлъ въ гражданахъ Спарты чужестранцевъ, которыхъ можно было эксплоатировать такъ или иначе, —напримѣръ, путемъ торговли или временныхъ политическихъ союзовъ,— но интересы которыхъ не могли быть ему близкими и дорогими. Современный аѳинскій уроженецъ, стоящій на точкѣ зрѣнія *современнаго* патріотизма, смотритъ на Лакедемонъ, какъ на часть своего отечества, интересы котораго одинаково дороги ему *на всемъ его протяженіи*. Это значитъ, что современный греческій патріотъ уже чуждъ того рода «исключительности», который былъ свойственъ патріотизму городскихъ общинъ. Но это совсѣмъ не значитъ, что онъ враждебенъ «вещамъ» своего родного города или хотя бы только равнодушенъ къ нимъ. Нѣтъ, его патріотизмъ вполнѣ совмѣстимъ

съ самымъ ревностнымъ, самымъ неутомимымъ служеніемъ «вещамъ» своего родного города. Этотъ патріотизмъ не допускаетъ тольк эксплоатаціи въ пользу этого города другихъ частей того же отечества. Для такого человѣка salus patriae—suprema lex. Точно также и современный коллективистскій интернаціонализмъ вполнѣ совмѣстимъ съ самой усердной, самой неутомимой работой на благо родной страны; но онъ совершенно не совмѣстимъ съ готовностью поддерживать родную страну тамъ, гдѣ ея интересы прпходятъ въ противорѣчіе съ интересами современнаго международнаго движенія пролетаріата, т. е. прогресса...

Я прекрасно понимаю, что въ этихъ словахъ заключается лишь общая формула, не содержащая въ себѣ готоваго отвѣта для каждаго частнаго случая. Но, по прекрасному выраженію Маркса, наша теорія вовсе не есть passe—partout, избавляющій насъ отъ необходимости внимательно изучать отдѣльныя общественныя явленія.